

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Шачашвили (Schatschaschwili) против Германии»¹

(Жалоба № 9154/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 15 декабря 2015 г.

По делу «Шачашвили против Германии» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты,*

Ишиль Каракаш,
Андраша Шайо,
Луиса Лопеса Герра,
Паиви Хирвеля,
Драголюб Поповича,
Ноны Цоцория,
Кристины Пардалос,
Ангелики Нуссбергер,
Юлии Лаффранк,
Хелен Келлер,
Андре Потоцкого,
Пола Махони,
Валерия Грицко,
Эгидиуса Куриса,
Йона Фридрика Кьёлбро, *судей,*

а также при участии Лоренса Эрли, *юрисконсульта Суда,*

рассмотрев дело в открытом слушании 4 марта и 8 октября 2015 г.,

вынес в последний из указанных дней следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 9154/10, поданной против Федеративной

¹ Перевод с английского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступило в силу 15 декабря 2015 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции. Постановление может быть подвергнуто редакторской правке (примеч. редактора).

Республики Германия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Грузии Свиади Шачашвили (*Swiadi Schatschaschwili*) (далее – заявитель) 12 февраля 2010 г.

2. Письмом от 29 декабря 2013 г. адвокат заявителя сообщил Европейскому Суду, что согласно информации, полученной им от заявителя, настоящее имя последнего Автандил Сисвадзе (*Avtandil Sisvadze*). 14 января 2014 г. Европейский Суд рекомендовал сторонам сохранить за делом название «Шачашвили против Германии», так как данное название соответствовало имени заявителя в том виде, в котором оно фигурировало в решениях внутригосударственных судов, а также в жалобе, поданной в Европейский Суд.

3. Интересы заявителя, которому была оказана юридическая помощь, представлял Х. Майер-Мевс (*H. Meyer-Mews*), адвокат, практикующий в г. Бремене. Власти Германии были представлены своими представителями при Европейском Суде А. Виттлинг-Фогель (*A. Wittling-Vogel*), Х.-Й. Беренс (*H.-J. Behrens*) и К. Бер (*K. Behr*).

4. Ссылаясь на подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заявитель утверждал, что разбирательство по его делу не было справедливым, поскольку ни на одной стадии производства по его делу ни ему, ни его адвокату не было предоставлено возможности допросить потерпевших и единственных непосредственных свидетелей преступления, предположительно совершенного им в г. Гёттингене (*Göttingen*) в феврале 2007 года, на показаниях которых Гёттингенский суд земли основывал вынесенный заявителю обвинительный приговор.

5. Жалоба была передана на рассмотрение Пятой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 15 января 2013 г. жалоба была коммуницирована властям Германии. 17 апреля 2014 г. Палата, созданная в рамках Пятой Секции, в следующем составе: Марка Виллигера, Председателя, Ангелики Нуссбергер, Боштьяна М. Зупанчича, Анны Пауэр-Форд, Анны Юдковской, Хелены Ядерблом и Алеша Пейхала, судей, а также при участии Секретаря Секции Суда Клаудии Вестердийк, единогласно объявила жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу и вынесла Постановление по делу. Пятью голосами «за» и двумя – «против» Палата постановила, что в настоящем деле не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

6. 15 июля 2014 г. заявитель подал ходатайство о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда в соответствии со

статьей 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Суда. 8 сентября 2014 г. коллегия, созданная в рамках Большой Палаты, удовлетворила данное ходатайство.

7. В соответствии с требованиями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда был определен состав Большой Палаты Европейского Суда. На заключительном совещании запасные судьи Йон Фридрих Кьёлбро и Андраш Шайо заменили Йозепа Касадевалю и Изабель Берро, которые не имели возможности принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

8. Заявитель и власти Германии подали меморандумы по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). Кроме того, Европейский Суд получил комментарии третьей стороны, властей Чешской Республики, которым Председатель Большой Палаты Европейского Суда 3 ноября 2014 г. разрешил представить письменные замечания (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

9. Власти Грузии были проинформированы о праве принять участие в производстве по жалобе (пункт 1 статьи 36 Конвенции и пункты 1 и 4 правила 44 Регламента Суда), но не изъявили желания воспользоваться своим правом.

10. 4 марта 2015 г. во Дворце прав человека в Страсбурге состоялось открытое слушание по настоящему делу (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:
(а) со стороны властей Германии:

Х.-Й. Беренс, сотрудник Федерального министерства юстиции и защиты потребителей, представитель Германии при Европейском Суде по правам человека,

Х. Затцгер (H. Satzger), профессор уголовного права в Мюнхенском университете,

Ф. Циммерманн (F. Zimmermann), помощник по правовым вопросам в Мюнхенском университете,

Х. Петцольд (H. Paetzold), сотрудник Федерального министерства юстиции и защиты потребителей,

К. Тегетхофф (C. Tegethoff), судья, Министерство юстиции земли Нижняя Саксония, советники;

(б) со стороны заявителя:

Х. Майер-Мевс, адвокат, представитель,

А. Роттер (A. Rotter), адвокат,

Й. Лам (J. Lam), адвокат, советники.

Европейский Суд заслушал выступления Майер-Мевса и Беренса, а также их ответы на вопросы.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Заявитель родился в 1978 году. На момент подачи жалобы в Европейский Суд он содержался под

стражей в Росдорфской (Rosdorf) тюрьме в Германии. В настоящее время он проживает в г. Хашури (Khashuri)/поселке Сурами (Surami) в Грузии.

А. СОБЫТИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В ГОРОДАХ КАССЕЛЕ И ГЁТТИНГЕНЕ, ПО ВЕРСИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ

1. Преступление, совершенное в г. Касселе (Kassel)

12. Вечером 14 октября 2006 г. заявитель и неустановленное лицо ограбили Л. и И., двух гражданок Литвы, в занимаемой ими квартире в г. Касселе.

13. Преступникам было известно о том, что квартира использовалась для занятия проституцией, и они предполагали, что женщины хранили в ней свои ценные вещи и наличные деньги. Рано утром они прошли мимо квартиры и убедились в том, что в ней не было ни клиентов, ни сутенера. Вскоре после этого они вернулись, позвонили в дверь и, когда Л. открыла им дверь, нейтрализовали ее. Заявитель направил на женщин газовый пистолет, очень похожий на настоящий, и угрожал убить их, если они не скажут, где хранят деньги. Пока его подельник присматривал за женщинами, заявитель частично собрал в квартире и частично заставил женщин отдать ему 1100 евро и шесть мобильных телефонов.

2. Преступление, совершенное в г. Гёттингене

14. 3 февраля 2007 г. заявитель вместе с соучастниками ограбили О. и Р., двух гражданок Латвии, временно проживавших в Германии и работавших проститутками, в их квартире в г. Гёттингене.

15. Вечером 2 февраля 2007 г., за день до совершения преступления, один из соучастников заявителя вместе с Р., знакомого с О. и Р., прошли мимо квартиры последних в г. Гёттингене. Они хотели проверить, были ли женщины единственными проживающими в квартире, хранили ли в ней ценные вещи, и обнаружили на кухне сейф.

16. 3 февраля 2007 г., примерно в 20.00, заявитель вместе с В. проникли в квартиру О. и Р., представившись потенциальными клиентами. Еще один соучастник ожидал их в автомобиле, припаркованном возле здания, в котором была расположена квартира, а находился напротив дома. Оказавшись внутри квартиры, В. достал из куртки нож. Р. попыталась сбежать от нападавших, спрыгнула с балкона, расположенного примерно в двух метрах от земли, и бросилась бежать. Заявитель прыгнул следом за ней, но прекратил преследование через несколько минут, когда на улице появились прохожие. Затем он позвонил по мобильному телефону соучастнику, который ждал другой – напротив

здания, в котором находилась квартира женщин, и рассказал ему, что одна из женщин спрыгнула с балкона, и он не смог догнать ее. Заявитель согласовал с подельниками место встречи, где они заберут его на автомобиле после того, как В. покинет квартиру и присоединится к нему.

17. Тем временем в квартире В. преодолел сопротивление О. и угрожал резать ее, если она не расскажет ему про место хранения денег и не откроет сейф. Опасаясь за свою жизнь, О. открыла сейф, в котором В. нашел 300 евро, и передала преступнику деньги из кошелька в сумме 250 евро. В. ушел из квартиры примерно в 20.30, забрав деньги, мобильный телефон Р., а также стационарный телефон, находившийся в квартире. Соучастники и В. на автомобиле забрали заявителя в условленном месте. Примерно в 21.30 Р. вернулась в квартиру, где по-прежнему находилась О.

18. О. и Р. на следующее утро после совершенного преступления рассказали о случившемся их соседке Е. Испуганные, они уехали из квартиры в г. Гёттингене и несколько дней жили у своей подруги Л., одной из жертв преступления, совершенного в г. Касселе, которой они также рассказали подробно о преступлении на следующий день после его совершения.

В. РАССЛЕДОВАНИЕ СОБЫТИЙ, ПРОИЗОШЕДШИХ В Г. ГЁТТИНГЕНЕ

19. 12 февраля 2007 г. Л. сообщила в полицию о преступлении, совершенном в отношении О. и Р. в г. Гёттингене. В период с 15 по 18 февраля 2007 г. потерпевшие О. и Р. неоднократно допрашивались полицией по поводу произошедшего 2 и 3 февраля 2007 г. На допросах они сообщали изложенную выше версию событий. Сотрудники полиции проверили документы у О. и Р. и установили, что их разрешения на проживание и работу в Германии соответствовали миграционному и трудовому законодательству Германии.

20. Поскольку свидетельницы на допросе сообщили, что они в ближайшее время собирались вернуться в Латвию, 19 февраля 2007 г. обвинитель просил следственного судью допросить свидетельниц для получения достоверных показаний, которые могли быть использованы в дальнейшем судебном разбирательстве («eine[r] im späteren Hauptverfahren verwertbare[n] wahrheitsgemäße[n] Aussage»).

21. Немного позже, 19 февраля 2007 г., О. и Р. были допрошены следственным судьей, которому они вновь рассказали изложенную выше версию событий. В указанное время заявитель еще не был проинформирован о том, что в отношении него проводятся следственные мероприятия, поскольку это могло препятствовать производству расследования. Ордер на его задержание еще не был выписан, и его интересы не представлял защит-

ник. Следственный судья не допустил заявителя к допросу свидетельниц на основании статьи 168с Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия (далее – УПК Германии) (см. § 56 настоящего Постановления), поскольку он боялся, что свидетельницы, которые находились в состоянии шока и стресса в связи с совершенным преступлением, испугаются и не расскажут правду в присутствии заявителя. Свидетельницы подтвердили на допросе, что они хотят уехать в Латвию как можно скорее.

22. Свидетельницы О. и Р. вернулись в Латвию вскоре после допроса. Заявитель был задержан 6 марта 2007 г.

С. СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ГЁТТИНГЕНСКОМ СУДЕ ЗЕМЛИ

1. Попытки суда допросить О. и Р. и признание допустимыми показаний, данных ими на стадии предварительного расследования

23. Гёттингенский суд земли заказным письмом вызвал О. и Р. на судебное заседание, которое должно было состояться 24 августа 2007 г. Однако обе свидетельницы отказались приезжать на заседание суда земли, сославшись на медицинские справки, датированные 9 августа 2007 г., согласно которым они находились в нестабильном посттравматическом эмоциональном и психологическом состоянии.

24. 29 августа 2007 г. суд земли направил свидетельницам заказное письмо, в соответствии с которым суд земли, не имея возможность принудить свидетельниц к явке на судебное заседание в Германии, всё же хотел допросить их в качестве свидетельниц в рамках судебного разбирательства. Суд подчеркивал, что в Германии им была бы обеспечена защита и что все расходы, которые они могли понести в связи с явкой в суд, были бы им компенсированы, а также, предложив несколько вариантов, задал им вопрос, при каких условиях они хотели бы дать показания в судебном разбирательстве. Хотя уведомления о вручении обоих писем вернулись в суд, ответа от Р. получено не было. О. в свою очередь в письменной форме проинформировала суд земли, что она по-прежнему была травмирована преступлением и поэтому не согласна ни на личную явку в суд, ни на дачу показаний с использованием аудиовизуальных средств связи. Кроме того, О. сообщила, что ей нечего добавить к показаниям, которые она уже дала на допросах, проведенных сотрудниками полиции и следственным судьей в феврале 2007 года.

25. Тем не менее суд земли решил попросить у властей Латвии правовой помощи на основании Европейской конвенции о взаимной право-

вой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., дополненной Конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского союза от 29 мая 2000 г. (см. §§ 64–66 настоящего Постановления), считая, что О. и Р. в соответствии с законодательством Латвии обязаны явиться в латвийский суд по просьбе о правовой помощи. Суд земли просил вызвать свидетельниц в суд Латвии и организовать аудиовизуальную связь для того, чтобы председательствующий судья суда земли мог допросить их (*audiovisuelle Vernehmung*). Сославшись на подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, суд земли отметил, что защитнику и подсудимому, а также судьям и обвинителю должно быть обеспечено право допросить свидетельниц в первый раз.

26. Однако допрос О. и Р., назначенный компетентным судом Латвии на 13 февраля 2008 г., незадолго до даты допроса был отменен председательствующим судьей суда Латвии. Он мотивировал данное решение тем, что свидетельницы предоставили медицинские заключения, подтверждавшие, что они по-прежнему страдали посттравматическим стрессовым расстройством вследствие совершенного преступления и что дальнейшее переживание событий в г. Гёттингене могло привести к ухудшению их состояний. О. также заявила, что из-за угроз подсудимого она боялась мести с его стороны.

27. Письмом от 21 февраля 2008 г. суд земли, получивший копии медицинских заключений, которые свидетельницы представили в суд Латвии по просьбе суда земли, проинформировал своих латвийских коллег о том, что в соответствии со стандартами уголовно-процессуального права Германии свидетельницы недостаточно мотивировали свой отказ от дачи показаний. Суд земли предложил компетентному судье Латвии провести обследование свидетельниц врачом, находящимся на государственной должности (*Amtsarzt*), или в качестве варианта принудить их к явке в суд. Письмо осталось без ответа.

28. Решением от 21 февраля 2008 г. суд земли отклонил возражение защитника одного из соподсудимых о недопустимости показаний, данных свидетельницами на стадии предварительного расследования, и в соответствии подпунктом 2 пункта 1 и подпунктом 1 пункта 2 статьи 251 УПК Германии (см. § 61 настоящего Постановления) предписал зачитать в судебном заседании протоколы допросов О. и Р., проведенных полицией и следственным судьей. Суд земли решил, что в соответствии с требованиями данных положений УПК Германии существовали непреодолимые препятствия, которые влекли невозможность допроса свидетельниц в обозримом будущем вследствие их недостижимости. Вместе с тем отсутствовала возможность допросить свидетель-

ниц О. и Р. на стадии судебного разбирательства, так как они вернулись в родную страну, Латвию, вскоре после того, как были допрошены на стадии предварительного расследования, а все попытки получить от них показания в основном судебном заседании, к чему суд никак не мог их принудить, не дали результата. Принимая во внимание, что суды были связаны обязательством по рассмотрению дел, связанных с лишением свободы, в кратчайшие сроки, и ввиду того, что подсудимый уже находился под стражей в течение значительного срока, суд пришел к выводу, что дальнейшее затягивание производства по делу являлось неоправданным.

29. Суд земли подчеркнул, что на стадии расследования не было установлено признаков того, что О. и Р., которые несколько раз давали показания в полиции и следственному судье, откажутся от повторения своих показаний в суде. Суд земли отметил, что, несмотря на ограничения для защиты вследствие признания показаний, данных О. и Р. на стадии предварительного расследования, допустимыми доказательствами, в целом судебное разбирательство могло быть справедливым и соответствовать требованиям подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

2. Приговор, вынесенный судом земли

30. 25 апреля 2008 г. Гёттингенский суд земли, проанализировав описанные выше факты, признал заявителя виновным в двух эпизодах разбоя при отягчающих обстоятельствах, сопряженного с вымогательством и совершенного группой лиц в г. Касселе 14 октября 2006 г. и г. Гёттингене 3 февраля 2007 г. соответственно. Суд приговорил заявителя, интересы которого в судебном разбирательстве представлял его защитник, к девяти с половиной годам лишения свободы.

(a) Оценка доказательств, относящихся к преступлению, совершенному в г. Касселе

31. Суд земли основывал свои выводы относительно фактических обстоятельств преступления, совершенного в г. Касселе, на показаниях, данных в суде потерпевшими L. и I., которые без сомнения опознали заявителя. Суд земли далее отметил, что их показания были подкреплены данными в суде показаниями сотрудников полиции, которые осматривали место преступления и допрашивали L. и I. в ходе предварительного расследования. Учитывая указанные доказательства, суд земли счел, что версия заявителя, изначально отрицавшего свою вину, а затем допустившего, что он находился в квартире L. и I., но лишь тайно похитил 750 евро после ссоры с женщинами, будучи не подкрепленной другими доказательствами, являлась несостоятельной.

(b) Оценка доказательств, относящихся к преступлению, совершенному в г. Гёттингене

(i) Показания О. и Р.

32. При установлении обстоятельств совершения преступления в г. Гёттингене суд земли опирался, в частности, на показания потерпевших О. и Р., которых суд признал ключевыми свидетельницами обвинения (*maßgebliche[n] Belastungszeuginnen*), данные в ходе предварительного расследования на допросах в полиции и у следственного судьи.

33. В приговоре, насчитывавшем 152 листов, суд земли подчеркнул, что он понимал низкую доказательственную ценность протоколов досудебных допросов О. и Р. Кроме того, суд земли принял во внимание тот факт, что ни на одной стадии производства по делу заявителю и его защитнику не была предоставлена возможность допросить единственных непосредственных свидетельниц преступлений, совершенных в г. Гёттингене.

34. Суд земли отметил, что протоколы допросов О. и Р., проведенных в ходе расследования, демонстрировали, что женщины подробно и последовательно описали обстоятельства совершенного преступления. Небольшие противоречия в их показаниях могли быть объяснены их желанием не раскрывать государственным органам информацию о роде своей деятельности и месте проживания, а также психологическим стрессом, которому они подверглись во время и после инцидента. Свидетельницы боялись проблем с полицией и мести со стороны преступников. Этим объяснялось то обстоятельство, почему они не обратились в полицию сразу после происшествия, и почему полиция получила информацию о преступлении лишь 12 февраля 2007 г. от их подруги L.

35. Суд земли учел также тот фактор, что О. и Р. не опознали заявителя, когда сотрудники полиции на допросе показали им несколько фотографий возможных подозреваемых. Суд отметил, что внимание свидетельниц во время происшествия было сосредоточено на другом преступнике, у которого был нож, а также что сам заявитель находился в квартире недолго. Неспособность заявительниц опознать заявителя также демонстрировала, вопреки утверждениям стороны защиты, что свидетельницы, давая показания, не преследовали цели обвинить заявителя в совершении преступления. Суд признал далее, что тот факт, что свидетельницы не присутствовали на судебном заседании, можно было объяснить волнением, которое они испытывали от воспоминаний, когда их допрашивали по поводу преступления, и это само по себе не влияло на достоверность показаний О. и Р.

(ii) Другие собранные доказательства

36. При установлении обстоятельств дела суд земли принял во внимание также следующие

дополнительные доказательства: показания, данные на стадии судебного разбирательства несколькими свидетелями, которым О. и Р. рассказывали о преступлении вскоре после его совершения, а именно соседкой потерпевших Е., их подругой L., а также сотрудниками полиции и следственным судьей, которые допрашивали О. и Р. на стадии предварительного расследования; сведения о местоположении и информацию, собранные в результате прослушивания мобильных телефонов заявителя и других подсудимых и с использованием приемника спутниковой системы глобального позиционирования (далее – GPS), установленного в автомобиле одного из подсудимых; признание заявителя, данное в ходе судебного разбирательства, в том, что в рассматриваемое время он находился в квартире потерпевших; схожесть способов совершения преступлений в городах Касселе и Гёттингене.

37. Суд земли подчеркнул, что после того, как выяснилось, что отсутствовала возможность установить связь с О. и Р., он обеспечил, чтобы как можно больше свидетелей, контактировавших с О. и Р. по поводу рассматриваемых событий, были допрошены в суде с целью подтверждения достоверности показаний потерпевших.

38. По мнению суда земли, тот факт, что подробное описание событий, данное О. и Р. на стадии предварительного расследования, соответствовало версии событий, которую они рассказали своей соседке Е. на следующее утро после преступления, являлся важным признаком достоверности и правдивости их показаний. Е. также сообщила, что вечером 3 февраля 2007 г., примерно в 21.30, другая соседка, пожилая женщина, испугавшаяся и рассердившаяся, когда увидела в окно бежавшую Р., позвонила ей и попросила пойти вместе с ней в квартиру женщин, чтобы выяснить, что произошло. Однако О. и Р. не открыли дверь, когда соседи позвонили в дверь.

39. Суд земли далее заметил, что описание событий, приведенное О. и Р., также соответствовало воспоминаниям L. о разговоре с О. и Р. после того, как было совершено рассматриваемое преступление.

40. Кроме того, суд земли отметил, что трое сотрудников полиции и следственный судья, допрашивавшие О. и Р. на стадии предварительного расследования, сообщили в суде, что, по их мнению, О. и Р. внушали доверие.

41. Суд земли подчеркнул, что, поскольку ни у него, ни у стороны защиты не было возможности наблюдать за поведением ключевых свидетельниц в суде или во время допроса с использованием аудиовизуальных средств, ему следовало особенно внимательно подойти к оценке надежности свидетельниц сотрудниками полиции и следственным судьей. Суд далее подчеркнул, что при исследовании показаний соседки свиде-

тельниц Е. и их подруги Л. он особое внимание уделил тому обстоятельству, что их показания представляли собой свидетельские показания с чужих слов, поэтому следовало оценивать их особенно тщательно.

42. В данном контексте имел значение тот факт, что показания О. и Р., так же как и показания дополнительных свидетелей, допрошенных на стадии судебного разбирательства, подкреплялись большим количеством других допустимых доказательств, таких как данные и информация, полученные вследствие прослушивания мобильных телефонов заявителя и других подсудимых и с помощью GPS. Рассматриваемая информация была собрана в ходе осуществления мероприятий по наблюдению, проведенных полицией в рамках расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении подсудимого по подозрению в рэкрете и вымогательстве среди торговцев наркотиками г. Гёттингена.

43. Из географической информации и записей двух телефонных разговоров между одним из подсудимых и заявителем, состоявшихся вечером 3 февраля 2007 г., в 20.29 и 20.31, следовало, что заявитель находился в квартире потерпевших вместе с В. и что он спрыгнул с балкона, преследуя убегавшую потерпевшую, которую так и не догнал, а В. оставался в квартире. Кроме того, анализ данных GPS доказывал, что автомобиль одного из подсудимых был припаркован возле места преступления 3 февраля 2007 г., с 19.58 до 20.32, и этот период соответствовал временным рамкам, в течение которых был совершен разбой.

44. Кроме того, хотя заявитель и другие подсудимые отрицали свою причастность к совершению разбоя как такового и иной предумышленной преступной деятельности, их собственные показания, данные в ходе судебного разбирательства, по крайней мере подтвердили тот факт, что один из подсудимых вместе с Р. незадолго до совершения преступления вечером посетил квартиру потерпевших в г. Гёттингене, а также что в момент преступления они все находились в автомобиле, припаркованном поблизости от квартиры потерпевших. Подсудимый первоначально сообщил, что во время происшествия на следующий день другой человек был в квартире вместе с Р. Затем заявитель изменил свои показания и стал утверждать, что именно он и В. 3 февраля 2007 г. пришли в квартиру потерпевших с целью воспользоваться их услугами как проституток. Далее заявитель признался, что он последовал за Р., когда та спрыгнула с балкона. Он объяснил, что сделал это для того, чтобы не позволить ей вызвать соседей или полицию, поскольку, учитывая его уголовное прошлое, он боялся неприятностей, а также из-за проблем, которые он имел в прошлом с проститутками в аналогичной ситуации в г. Касселе.

45. Наконец, суд земли счел, что значительная схожесть способа совершения преступлений в отношении двух потерпевших женского пола, иностранных гражданок, занимавшихся проституцией на дому, дополнительно указывала на то, что заявитель также участвовал в преступлении, совершенном в г. Гёттингене.

46. По мнению суда земли, совокупность доказательств создавала последовательный и полный ход событий, соответствующий версии, изложенной О. и Р., и опровергающий версии событий, представленные заявителем и другими подсудимыми в ходе судебного разбирательства.

Д. ПРОИЗВОДСТВО В ФЕДЕРАЛЬНОМ ВЕРХОВНОМ СУДЕ ГЕРМАНИИ

47. 23 июня 2008 г. заявитель, интересы которого представлял защитник, подал апелляционную жалобу по вопросам права на приговор Гёттингенского суда земли. Заявитель жаловался на то, что ни на одной стадии производства по делу у него не было возможности допросить единственных непосредственных и ключевых свидетелей преступления, совершенного в г. Гёттингене, что нарушало пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Поскольку органы обвинения вопреки прецедентной практике Федерального верховного суда Германии (заявитель сослался на постановление от 25 июля 2000 г., см. §§ 58, 59 и 62 настоящего Постановления) не предоставили заявителю защитника до того, как О. и Р. были допрошены следственным судьей, показания двух свидетельниц следовало признать недопустимым в рамках судебного разбирательства.

48. В письменных замечаниях, поданных в Федеральный верховный суд Германии 9 сентября 2008 г., генеральный прокурор при Федеральном верховном суде Германии ходатайствовал об отклонении апелляционной жалобы заявителя по вопросам права как явно необоснованной в рамках письменного производства в соответствии с пунктом 2 статьи 349 УПК Германии (см. § 63 настоящего Постановления). Генеральный прокурор при Федеральном верховном суде Германии утверждал, что, хотя действительно разбирательство по делу характеризуется «полной утратой» заявителем права допрашивать О. и Р. (*Totalausfall des Fragerechts*), в целом оно оставалось справедливым, и не было причин для признания свидетельских показаний О. и Р. недопустимыми доказательствами.

49. Генеральный прокурор при Федеральном верховном суде Германии считал, что суд земли очень внимательно и критически подошел к оценке содержания протоколов допросов свидетельниц, зачитанных в судебном разбирательстве. Кроме того, показания потерпевших не были ни един-

ственным, ни решающим фактором для суда земли при признании заявителя виновным, так как суд земли основывал свои выводы на других существенных доказательствах. Учитывая различные виды подтверждающих доказательств, у заявителя существовало множество возможностей для оспаривания надежности показаний двух свидетельниц обвинения и эффективной защиты своих интересов в суде.

50. Поддерживая доводы суда земли, генеральный прокурор при Федеральном верховном суде Германии далее указал, что отсутствовали признаки того, что право стороны защиты на допрос свидетельниц О. и Р. было ограничено по вине внутренних государственных органов. Органы обвинения не были обязаны назначать заявителю защитника для того, чтобы тот мог поучаствовать в слушании, проведенном следственным судьей. Учитывая последовательное сотрудничество свидетельниц, у государственных органов не было причин ожидать от них, несмотря даже на то, что они вернулись в родную страну, что их будет невозможно допросить в суде, тем более что в соответствии с законодательством Латвии они были обязаны принять участие в судебном заседании, по крайней мере, с использованием видеосвязи.

51. Решением от 30 октября 2008 г. Федеральный верховный суд Германии, сославшись на пункт 2 статьи 349 УПК Германии, оставил без удовлетворения апелляционную жалобу заявителя по вопросам права как явно необоснованную.

52. 9 декабря 2008 г. Федеральный верховный суд Германии отклонил жалобу заявителя на нарушение его права быть заслушанным (*Anhörungsrüge*), подчеркнув, что любое решение об оставлении без удовлетворения апелляционной жалобы на основании пункта 2 статьи 349 УПК Германии в обязательном порядке содержало ссылку на мотивированное ходатайство генерального прокурора при Федеральном верховном суде Германии.

Е. ПРОИЗВОДСТВО В ФЕДЕРАЛЬНОМ КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ ГЕРМАНИИ

53. В конституционной жалобе от 30 декабря 2008 г. на решения Федерального верховного суда Германии от 30 октября и 9 декабря 2008 г. заявитель жаловался, в частности, что имело место нарушение его права на справедливое судебное разбирательство и прав на защиту, гарантированных подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Он утверждал, что ни на одной стадии производства по делу ни ему, ни его представителю не было предоставлено возможности допросить О. и Р.

54. Решением от 8 октября 2009 г. Федеральный конституционный суд Германии без указания мотивов своего решения отказался рассматривать жалобу заявителя (дело № 2 BvR78/09).

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

А. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРАКТИКА, КАСАЮЩИЕСЯ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

55. Пункты 1 и 2 статьи 160 УПК Германии предусматривают, что при расследовании обстоятельств, указывающих на совершение преступления, следственные органы должны исследовать не только доказательства виновности, но и доказательства, освобождающие от ответственности, а также обеспечить, чтобы все доказательства, которые могут быть утрачены, были собраны.

56. В соответствии с пунктом 2 статьи 168с УПК Германии прокурор, обвиняемый и защитник вправе присутствовать на допросе свидетеля судом, проводимом до начала основного разбирательства. Судья может не разрешить обвиняемому присутствовать на данном слушании, если его присутствие может помешать достижению целей расследования, в частности, если существует риск того, что свидетель не будет говорить правду в присутствии обвиняемого (пункт 3 статьи 168с УПК Германии). Лица, имеющие право присутствовать на слушании, должны быть заблаговременно уведомлены о дате слушания. Уведомление о слушании может не направляться, если такое уведомление может помешать успешному завершению расследования (пункт 5 статьи 168с УПК Германии).

57. В соответствии с пунктом 3 статьи 141 УПК Германии в период проведения расследования может быть назначен защитник. Прокуратура ходатайствует о назначении защитника в случае, если, по ее мнению, участие защитника в основном разбирательстве будет обязательным. Участие защитника является обязательным в случаях, если, *inter alia*, рассмотрение дела в первой инстанции будет осуществляться судом земли либо если обвиняемому предъявлены обвинения в совершении тяжких преступлений (подпункты 1 и 2 пункта 1 статьи 140 УПК Германии).

58. В ведущем Постановлении от 25 июля 2000 г. (опубликованном в официальном сборнике, *BGHst*, том 46, стр. 96, *et seq*¹.) Федеральный верховный суд Германии признал, что пункт 3 статьи 141 УПК Германии при его толковании в свете подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции обязывает следственные органы рассматривать возможность назначения защитника обвиняемому без представителя, если ключевой свидетель обвинения должен давать показания следственному судье в целях сбора доказательств, а обвиняемому не разрешено присутствовать на данном слушании.

¹ *Et seq.* (лат. сокращение от *et sequitur*) – и далее (примеч. переводчика).

59. Федеральный верховный суд Германии подчеркнул, что в целях соблюдения права на перекрестный допрос требовалось предоставить назначенному представителю возможность обсудить дело с обвиняемым до допроса свидетеля следственным судьей, чтобы тот мог задавать правильные вопросы. Суд также отметил, что назначение защитника обвиняемому не является обязательным в случае, если имелись уважительные причины для уведомления защитника о слушании у следственного судьи либо если назначение и привлечение адвоката могут повлечь за собой задержку, угрожающую успешному завершению расследования. В рассматриваемом деле Федеральному верховному суду Германии не потребовалось выяснять, имела ли необходимость в назначении обвиняемому защитника в случае, когда простое обсуждение дела между адвокатом и его клиентом до проведения слушания могло помешать достижению целей расследования.

В. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРАКТИКА, КАСАЮЩИЕСЯ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

60. Статья 250 УПК Германии закрепляет правило, согласно которому в случае, когда доказывание факта основывается на личном опыте отдельного лица, это лицо должно быть допрошено в судебном разбирательстве.

61. Статья 251 УПК Германии содержит ряд исключений из этого правила. В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 251 УПК Германии допускается замена допроса свидетеля зачитыванием протокола другого допроса, если свидетель скончался или в обозримом будущем не может быть допрошен судом по другой причине. Подпункт 1 пункта 2 статьи 251 УПК Германии предусматривает, что, если свидетель ранее был допрошен судьей, его допрос может быть заменен зачитыванием письменного протокола предыдущего допроса, но данное исключение применяется в случае болезни, инвалидности свидетеля или при наличии иных непреодолимых обстоятельств, препятствующих явке свидетеля в суд на основное слушание в течение длительного или неограниченного срока.

62. В упоминавшемся выше вводящем Постановлении от 25 июля 2000 г. (см. §§ 58–59 настоящего Постановления) Федеральный верховный суд Германии указал, что, если обвиняемому не был назначен защитник в соответствии с пунктом 3 статьи 141 УПК Германии, ценность доказательств, собранных в ходе допроса, проведенного следственным судьей, не исключается, а уменьшается. Следовало принимать во внимание разбирательство в целом. Как правило, обвинительный приговор может быть основан на показаниях свидетеля, которому сторона защиты не имела возможности

задать свои вопросы в ходе перекрестного допроса, только в случае, если эти показания подкрепляются другими существенными доказательствами, не связанными с данными показаниями. По мнению Федерального верховного суда, суд первой инстанции обязан оценивать доказательства с особой тщательностью, не забывая о том, что показания, данные следственным судьей в судебном разбирательстве, представляют собой свидетельские показания с чужих слов.

С. ПОЛОЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ ЖАЛОБ ПО ВОПРОСАМ ПРАВА

63. В соответствии с пунктом 2 статьи 349 УПК Германии суд, вынося решение по апелляционной жалобе по вопросам права, на основании мотивированного ходатайства прокуратуры может оставить без удовлетворения апелляционную жалобу без проведения слушания, если суд признает данную жалобу явно необоснованной. Такое решение должно быть принято единогласно.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

64. Оказание взаимной помощи по уголовным делам между Германией и Латвией регулируется, в частности, Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., дополненной Конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского союза от 29 мая 2000 г.

65. Статья 10 Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского союза от 29 мая 2000 г. предусматривает возможность допроса свидетелей посредством видеоконференции связи. Подобный допрос должен осуществляться в присутствии судебного органа государства-члена запрашиваемого государства-члена и проводится судебным органом запрашивающего государства-члена. Свидетель может сослаться на право не свидетельствовать, предоставленное ему законодательством либо запрашиваемого, либо запрашивающего государства-члена (пункт 5 статьи 10 указанной Конвенции). Каждое государство-член обязано принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы к ситуациям, когда свидетели допрашиваются на его территории и отказываются давать показания, применялся порядок проведения допроса, установленный внутригосударственным законодательством для проведения допроса судом этого государства (пункт 8 статьи 10 указанной Конвенции).

66. Статья 8 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля

1959 г. предусматривает, что свидетель, который не ответил на повестку, о вручении которой просила запрашивающая сторона, не может, даже если она содержит предупреждение о санкциях, быть подвергнут какому-либо наказанию или применению меры пресечения, если только впоследствии он добровольно не окажется на территории запрашивающей стороны и вновь не будет там надлежащим образом вызван повесткой.

ПРАВО

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 И ПОДПУНКТА «D» ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

67. Заявитель жаловался на то, что судебное разбирательство по его делу было несправедливым, а также что был нарушен принцип равноправия сторон, поскольку ни на одной стадии производства по делу ни ему, ни его адвокату не было предоставлено возможности допросить О. и Р., единственных непосредственных свидетельниц и потерпевших в результате преступления, предположительно совершенного им в г. Гёттингене в феврале 2007 года. Он ссылаясь на статью 6 Конвенции, которая в соответствующих частях предусматривает:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...».

68. Власти Германии не согласились с данной жалобой.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

69. Палата Европейского Суда установила, что в данном деле не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

70. Применив принципы, выработанные Европейским Судом в Постановлении его Большой Палаты по делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» ((Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom), жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, ECHR 2011), Палата Европейского Суда установила, что существовали веские причины для неявки свидетельниц на судебное заседа-

ние. Суд земли предпринял все разумные усилия с целью обеспечить допрос свидетельниц. Тот факт, что все попытки суда земли оказались безуспешными, нельзя было поставить в вину суду. Палата Европейского Суда также решила, что, хотя показания свидетельниц, возможно, не являлись единственными и решающими доказательствами, на которых основывался обвинительный приговор, вынесенный заявителю, они явно имели значительный вес при решении вопроса об установлении его виновности.

71. Вместе с тем, по мнению Палаты Европейского Суда, имелись достаточные уравновешивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты в результате признания допустимыми свидетельских показаний потерпевших. Палата Европейского Суда сочла, что суд земли обеспечил предоставление процессуальных гарантий, предусмотренных в соответствии с внутригосударственным законодательством. Согласно статье 168с УПК Германии (см. § 56 настоящего Постановления) обвиняемому и его защитнику, как правило, разрешается присутствовать на допросе судом свидетеля на досудебной стадии. Однако оправданным являлось лишение заявителя, которому к тому времени еще не был назначен защитник, возможности присутствовать на допросе О. и Р. следственным судьей в соответствии с пунктом 3 статьи 168с УПК Германии. Опасение следственного судьи о том, что подозреваемые окажут давление на свидетельниц, как только они или их защитник получат информацию о слушании, тем самым воспрепятствовав проводимому расследованию, являлось обоснованным. Палата Европейского Суда также приняла во внимание замечание властей Германии о том, что в момент проведения слушания нельзя было предсказать, что свидетельницы, которые уже давали показания несколько раз, откажутся от дачи показаний в судебном разбирательстве.

72. Кроме того, Палата Европейского Суда отметила, что суд земли тщательно изучил показания О. и Р. с учетом их низкой доказательственной ценности. Суд также принял во внимание показания двух свидетельниц, Е. и L., которым потерпевшие рассказали о преступлении сразу после его совершения. Взаимодополняющие свидетельские показания были подкреплены фактически доказательствами, собранными в ходе прослушивания телефонных разговоров, наблюдения за перемещениями по GPS, а также признанием заявителем того факта, что он находился в квартире потерпевших во время совершения преступления. Более того, выводы суда подтверждались схожестью способов совершения преступлений в городах Касселе и Гёттингене. Соответственно, в целом разбирательство по делу было справедливым.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

73. По мнению заявителя, его право на справедливое разбирательство, в том числе право допрашивать свидетелей, показывающих против него, гарантированное пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, было нарушено. Он подчеркнул, что ни на одной стадии производства по делу ни ему, ни его защитнику не было предоставлено возможности допросить свидетельниц О. и Р.

(a) Применимые принципы

74. В своих замечаниях, поданных в Большую Палату Европейского Суда, заявитель согласился с тем, что принципы, выработанные в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», были применимы к его делу. Он подчеркнул, что в соответствии с данным прецедентом непредоставление стороне защиты возможности задать свидетелю обвинения вопросы в ходе перекрестного допроса ведет к нарушению подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, за исключением случаев, когда существуют исключительные обстоятельства.

(b) Имелись ли веские основания для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание

75. По мнению заявителя, не существовало веских оснований для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание. Психологические трудности, которые предположительно были вызваны преступлением, совершенным в г. Гёттингене, не препятствовали свидетельницам давать показания сотрудникам полиции и следственному судье на стадии предварительного расследования. Кроме того, Гёттингенский суд земли сам решил, что не было достаточных оснований для неявки свидетельниц на судебное заседание. Внутригосударственные органы должны были предпринять дальнейшие меры для допроса свидетельниц на стадии судебного разбирательства, в том числе путем проведения двусторонних переговоров с Латвией на политическом уровне.

(c) Являлись ли доказательства неявившихся свидетельниц единственным и решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора

76. По мнению заявителя, вынесенный ему обвинительный приговор был основан в решающей степени на показаниях, данных О. и Р., которые являлись единственными свидетельницами событий в г. Гёттингене. Он не был бы признан ви-

новным на основании имевшихся доказательств, если бы показания свидетельниц О. и Р. не были приняты во внимание.

(d) Имелись ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты

77. Заявитель считал, что не существовало уравнивающих факторов, компенсирующих сложности, которые были созданы для стороны защиты неявкой свидетельниц на судебное заседание.

78. Заявитель утверждал, что суд земли не оценил с особой тщательностью свидетельские показания О. и Р. Суд земли не принял во внимание тот факт, что неявка свидетельниц на судебное заседание без уважительных причин указывала на их ненадежность. Кроме того, дополнительные показания с чужих слов и предоставленная заявителю возможность допросить следственного судью не могли быть признаны достаточными уравнивающими факторами, гарантирующими равенство состязательных возможностей сторон. Тот факт, что в соответствии с уголовным процессуальным законодательством Германии прокуратура обязана исследовать и доказательства виновности, и доказательства невиновности обвиняемого (см. § 55 настоящего Постановления), не мог служить компенсацией отсутствия у него возможности задать свидетелям обвинения вопросы в ходе перекрестного допроса, так как следственные органы в настоящем деле не исследовали освобождающие от уголовной ответственности доказательства.

79. Заявитель подчеркнул, в частности, что ему не была предоставлена предусмотренная внутригосударственным законодательством процессуальная гарантия, направленная на реализацию права на защиту, а именно защитнику, представляющему его интересы, не было разрешено присутствовать при допросе свидетельниц О. и Р. следственным судьей. В соответствии с положениями УПК Германии (пункт 3 статьи 141 во взаимосвязи со статьей 140, см. § 57 настоящего Постановления), которым дал толкование Федеральный верховный суд Германии (заявитель сослался на Постановление Федерального верховного суда Германии от 25 июля 2000 г., см. §§ 58, 59 и 62 настоящего Постановления), прокуратура была обязана назначить заявителю защитника для представления его интересов на стадии предварительного расследования. Это должно было быть сделано до допроса основных свидетелей обвинения следственным судьей, на котором ему не разрешили присутствовать на основании пункта 3 статьи 168 УПК Германии. При данных обстоятельствах защитник имел право присутствовать на допросе свидетеля на основании пункта 2 статьи 168с УПК Германии (за исключением ситуаций, перечис-

ленных в пункте 5 статьи 168с УПК Германии, но в настоящем деле таких ситуаций не наблюдалось). В поддержку своих доводов заявитель сослался на выводы Европейского Суда по делу «Хюммер против Германии» ((Hümmer v. Germany) от 19 июля 2012 г., жалоба № 26171/07, §§ 420 *et seq.*).

80. Заявитель подчеркнул, что на практике свидетели допрашиваются следственным судьей на стадии предварительного расследования, помимо допроса, проводимого сотрудниками полиции, только если существует опасность утраты доказательств. Протокол допроса, проведенного следственным судьей, может быть зачитан и использован в качестве доказательства на стадии судебного разбирательства при соблюдении менее строгих условий, чем те, которые применяются к протоколам допросов, проводимых сотрудниками полиции (пункты 1 и 2 статьи 251 УПК Германии, см. § 61 настоящего Постановления). Таким образом, присутствие обвиняемого и его защитника на допросе, проводимом следственным судьей в соответствии с пунктом 2 статьи 168с УПК Германии, имеет важное значение для обеспечения права обвиняемого, гарантированного подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

81. По утверждению заявителя, было неоправданно лишать его этого права только лишь потому, что у следственного судьи сложилось ошибочное впечатление, что свидетельницы боялись давать показания в присутствии заявителя и даже его защитника, хотя заявитель не давал поводов для возникновения подобных страхов. Данный довод в любом случае не мог служить оправданием для недопущения заявителя и его защитника к участию в допросе, поскольку существуют различные способы уменьшения подобных страхов. В связи с тем, что свидетельницы О. и Р. планировали покинуть Германию вскоре после допроса, проведенного следственным судьей, имелась возможность назначить заявителю защитника незадолго до слушания, что позволило бы ему или по крайней мере его защитнику лично допросить свидетельниц, не вызывая у них чувства страха.

82. По мнению заявителя, следственные органы могли предвидеть, что свидетельницы О. и Р., которые, вероятно, были виновны в нарушении торгового или налогового законодательства в связи с занятием проституцией, будут недостижимы для дачи показаний в Германии в рамках судебного разбирательства по делу заявителя. Тем не менее заявитель подчеркнул, что у него не было причин ходатайствовать о проведении повторного допроса свидетельниц следственным судьей в его присутствии сразу после его задержания, так как он полагал, что у него будет возможность задать свидетельницам свои вопросы в ходе перекрестного допроса в суде. В любом случае свидетельницы уже покинули территорию Германии к моменту его задержания.

2. Власти Германии

83. По мнению властей Германии, производство по уголовному делу, возбужденному в отношении заявителя, соответствовало пункту 1 и подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, несмотря на то, что ни на одной стадии производства по делу заявитель не имел возможности задать свидетельницам О. и Р. вопросы в ходе перекрестного допроса.

(a) Применимые принципы

84. Власти Германии полагали, что не было причин сужать или изменять принципы, вырабатанные Европейским Судом в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», которое было применимо к настоящему делу и согласно которому в некоторых случаях можно обойтись без перекрестного допроса свидетелей. Выводы Европейского Суда, сделанные в контексте системы общего права, следует с определенной гибкостью перенести на систему континентального права. Даже если бы эти принципы были применены, объем исключений из принципа перекрестного допроса мог быть даже шире в системе континентального права, например, в системе права Германии, которая опирается по большей части на профессиональных судей, обладающих опытом в оценке надежности доказательств, и гораздо более прозрачная оценка доказательств содержится в мотивировочной части судебных решений.

85. Власти Германии добавили, что, как показало выполненное ими сравнительно-правовое исследование, ни в одной из Договаривающихся Сторон Конвенции с системой уголовного права, сравнимой с системой Германии, не предусматривается неограниченное право обвиняемого задавать свидетелям обвинения вопросы в ходе перекрестного допроса в суде. Кроме того, во многих других правовых системах не запрещалось использовать протоколы ранее проведенных допросов свидетелей, даже если обвиняемый не имел возможности допросить этих свидетелей на соответствующей стадии.

(b) Существовали ли веские основания для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание

86. По мнению властей Германии, существовали веские основания, соответствующие прецедентной практике Европейского Суда, для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание. Суд земли предпринял все разумные усилия для допроса свидетельниц, которые проживали и работали в Германии на законных основаниях, либо лично в зале судебных заседаний, либо с использованием

аудиовизуальных средств с помощью судов Латвии. Суд земли вызвал свидетельниц на судебное заседание повесткой. После того, как свидетельницы предоставили медицинские заключения, суд вновь попытался обеспечить их присутствие, информировав их о том, что им будет обеспечена защита, а также запросив у свидетельниц, при каких условиях они готовы дать показания. Суд земли не имел юрисдикции, позволяющей ему принудить свидетельниц, которые являлись гражданками Латвии и проживали в этой стране, к явке на судебное заседание, проводимое в Германии, поскольку меры принуждения были запрещены статьей 8 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (см. § 66 настоящего Постановления).

87. Власти Германии утверждали, что суд земли впоследствии попросил власти Латвии в порядке взаимной правовой помощи в соответствии с применимыми правилами вызвать свидетельниц в суд в Латвии, чтобы их можно было допросить с использованием аудиовизуальных средств. Однако суд Латвии отменил судебное заседание после предварительного обсуждения со свидетельницами, которые вновь предоставили медицинские заключения. Запрос суда земли о проверке судом Латвии причин отказа свидетельниц от дачи показаний или предложении других способов их допроса остался без ответа. Ничто не указывало на то, что допрос свидетельниц мог быть проведен другими способами, такими как двусторонние переговоры на политическом уровне, о которых заявитель впервые упомянул уже в рамках разбирательства в Европейском Суде.

(с) Являлись ли доказательства неявившихся свидетельниц единственным и решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора

88. Власти Германии утверждали, что в соответствии с позицией суда земли, которая в данном отношении имеет ключевое значение, свидетельские показания О. и Р. являлись «ключевым» (*maßgeblich*) основанием для осуждения заявителя. Тем не менее существовали и другие весомые доказательства, в том числе результаты выполнения полицией мероприятий по наблюдению и собственные показания заявителя, позволявшие проверить правдивость свидетельских показаний. Вопрос о том, могли ли показания свидетельниц в свете указанных доказательств быть признаны «решающим доказательством» для целей прецедентной практики Европейского Суда, остается открытым, поскольку в любом случае для дела заявителя были необходимы и имелись достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие отсутствие у стороны защиты возможности допросить свидетельниц.

(d) Существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие трудности, с которыми столкнулась сторона защиты

89. По утверждению властей Германии, отсутствие у заявителя возможности допросить свидетельниц О. и Р. было в достаточной степени компенсировано судом земли, который провел всесторонний критический анализ достоверности свидетельских показаний. Суд земли с особой тщательностью оценил показания, данные двумя свидетельницами обвинения, и, *inter alia*, сравнил показания, которые они давали на различных допросах.

90. Власти Германии отмечали, что в уголовном процессе Германии и суд, и прокуратура в соответствии с законом обязаны исследовать и доказательства виновности, и доказательства невиновности обвиняемого. Отчасти это компенсирует отсутствие у обвиняемого возможности задать свидетелю обвинения вопросы в ходе перекрестного допроса.

91. Проверая правдивость свидетельских показаний, суд земли также использовал большое количество подтверждающих доказательств, в том числе свидетельские показания с чужих слов и надежные вещественные доказательства, собранные в результате слежки за заявителем. Мероприятия по наблюдению включали, среди прочего, анализ сведений о местоположении мобильного телефона заявителя, запись телефонного разговора заявителя с одним из подсудимых, сделанную во время совершения преступления, в ходе которого он описал, как одна из свидетельниц спрыгнула с балкона и спряталась от заявителя, который преследовал ее.

92. Кроме того, у заявителя имелась возможность задать вопросы в ходе перекрестного допроса и оспорить правдивость показаний почти всех лиц, которые допрашивали О. и Р. на стадии предварительного расследования. Суд земли также заслушал показания этих лиц относительно поведения и эмоционального состояния свидетельниц во время допроса.

93. По поводу того, что ни заявителю, ни его защитнику не было предоставлено возможности допросить свидетельниц О. и Р. на стадии предварительного расследования, власти Германии отметили, что следственный судья не позволил заявителю присутствовать при допросе на основании пункта 3 статьи 168с УПК Германии для защиты свидетельниц и установления истины. Свидетельницы, которые очень боялись преступников, в присутствии заявителя не стали бы давать полные и правдивые показания. У них имелись правомерные основания бояться мести, учитывая, что заявитель подозревался в совершении аналогичного разбоя в г. Касселе.

94. Кроме того, поскольку у свидетельниц были основания опасаться, что любой защитник, назначенный заявителю, расскажет последнему о допросе и их показаниях, в присутствии защитника они также либо вообще не стали бы давать показаний, либо их показания были бы неточными. Власти Германии пояснили, что в соответствии с пунктом 5 статьи 168с УПК Германии суд, рассматривавший дело, мог не уведомлять адвоката, назначенного заявителю, о допросе, если он полагал, что такое уведомление могло помешать расследованию. Следовательно, в соответствии с судебной практикой Федерального верховного суда Германии (власти также сослались на Постановление Федерального верховного суда Германии от 25 июля 2000 г., см. §§ 58, 59 и 62 настоящего Постановления) назначение защитника и его присутствие на допросе, проводимом следственным судьей, не являлись обязательными.

95. Власти Германии отметили, что после задержания заявитель на стадии предварительного расследования не ходатайствовал о повторном проведении допроса свидетельниц в его присутствии. Они подчеркнули, что невозможно было предвидеть, что О. и Р. не явятся на судебное заседание, поскольку заявитель и его подельники, которые на данной стадии находились под стражей, представляли бы для них меньшую угрозу. В любом случае заявитель не подавал каких-либо ходатайств с перечнем вопросов, которые он хотел бы задать свидетельницам, личность и местонахождение которых были ему известны, а также не указал, на основании чего он хотел оспорить достоверность их показаний.

3. Власти Чешской Республики, участвующие в производстве в качестве третьей стороны

96. Власти Чешской Республики считали, что настоящее дело предоставляло Европейскому Суду возможность прояснить и уточнить принципы, разработанные в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства». По их мнению, принципы признания допустимыми показаний неявившихся свидетелей, сформулированные применительно к системе общего права, не могли быть в полной мере применены к системам континентального права. Власти Чешской Республики полагали, что Европейский Суд должен учесть особенности конкретной правовой системы государства-ответчика.

97. Власти Чешской Республики предлагали Европейскому Суду до того, как он рассмотрит вопрос о том, существовали ли веские основания для признания допустимыми показаний неявившегося свидетеля (они сослались на упоминав-

шее выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 120), проверить, являлось ли оспариваемое доказательство единственным и решающим доказательством, на котором основан обвинительный приговор, вынесенный подсудимому, как он сделал это, например, в Постановлении Европейского Суда по делу «Саркизов и другие против Болгарии» ((Sarkizov and Others v. Bulgaria) от 17 апреля 2012 г., жалобы №№ 37981/06, 38022/06, 39122/06 и 44278/06, § 58) и Постановлении Европейского Суда по делу «Дамир Сибгатуллин против Российской Федерации» ((Damir Sibgatullin v. Russia) от 24 апреля 2012 г., жалоба № 1413/05¹, §§ 54–56). Власти Чешской Республики утверждали, что в случае, когда показания неявившегося свидетеля не имели решающего значения, не было необходимости доказывать наличие веских оснований, по которым стороне защиты не была предоставлена возможность допросить этого свидетеля. Кроме того, Европейскому Суду следовало прояснить, воспринимал ли он по-прежнему принцип *impossibilium nulla est obligatio*² в качестве веского основания для признания допустимыми показаний неявившегося свидетеля. Это в особенности относится к случаям, когда свидетель покинул территорию, на которую распространяется юрисдикция внутригосударственных судов, поскольку у судов в данном случае отсутствует возможность принудительного обеспечения явки свидетеля на судебное заседание.

98. Власти Чешской Республики подчеркнули далее, что оценку значения свидетельских показаний для исхода разбирательства должны были осуществлять внутригосударственные суды. Проведение Европейским Судом подробного анализа важности и значения соответствующих доказательств могло вступить в конфликт со свободой усмотрения внутригосударственных органов и доктриной четвертой инстанции Европейского Суда.

99. По утверждению властей Чешской Республики, более гибкий подход к вопросу о единственном и решающем доказательстве, выработанном в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», делал прецедентную практику Европейского Суда менее предсказуемой. Они предлагали Европейскому Суду уточнить, какие уравнивающие факторы могут быть признаны достаточными для того, чтобы не была нарушена статья 6 Конвенции.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 10 (примеч. редактора).

² *Impossibilium nulla est obligatio* (лат.) – принцип, согласно которому невозможное не может вменяться в обязанность (примеч. переводчика).

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Повторение соответствующих принципов

(а) Общие принципы

100. Европейский Суд повторяет, что гарантии, содержащиеся в подпункте «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, представляют собой отдельные аспекты права на справедливое разбирательство, предусмотренного пунктом 1 статьи 6 (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 118). Соответственно, настоящая жалоба заявителя будет рассмотрена в свете обоих положений Конвенции в их взаимосвязи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Виндич против Австрии» (Windisch v. Austria) от 27 сентября 1990 г., § 23, Series A, № 186, и Постановление Европейского Суда по делу «Люди против Швейцарии» (Lüdi v. Switzerland) от 15 июля 1992 г., § 43, Series A, № 238).

101. Основной задачей Европейского Суда в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции является оценка справедливости производства по уголовному делу в целом (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (Tahquet v. Belgium), жалоба № 926/05¹, § 84, ECHR 2010, с дальнейшими ссылками). Проводя такую оценку, Европейский Суд рассматривает производство в целом, в том числе порядок сбора доказательств, принимая во внимание право на защиту, но также интерес общества и потерпевших в надлежащем расследовании преступления (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии» (Gäfgen v. Germany), жалоба № 22978/05, §§ 163 и 175, ECHR 2010) и права свидетелей (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 118 с последующими ссылками; и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хюммер против Германии», § 37).

102. Принципы, подлежащие применению в случае, когда свидетель обвинения не явился на судебное заседание и показания, данные им ранее, были приняты в качестве доказательства, были обобщены и уточнены в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» от 15 декабря 2011 г.

103. Европейский Суд повторил в данном Постановлении, что подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции закрепляет принцип, соглас-

но которому прежде, чем обвиняемый может быть осужден, все доказательства, указывающие на его виновность, обычно должны быть представлены в его присутствии в открытом судебном заседании с целью обеспечения состязательного производства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 118).

104. В этом контексте Европейский Суд должен подчеркнуть важность стадии предварительного расследования в уголовном разбирательстве, поскольку доказательства, собранные на этой стадии, определяют границы обвинения, рассматриваемого судом (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey), жалоба № 36391/02, § 54, ECHR 2008). Несмотря на то, что первостепенной задачей статьи 6 Конвенции в области уголовного судопроизводства является обеспечение справедливого разбирательства «судом», компетентным рассматривать «любое уголовное обвинение», из этого не следует, что данная статья не может применяться к досудебным процедурам. Таким образом, статья 6 Конвенции, в особенности пункт 3 этой статьи, может быть применима и до того момента, как дело направлено в суд, в той мере, в которой справедливость судебного разбирательства может серьезно пострадать из-за несоблюдения положений указанной статьи на изначальной стадии разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 50, а также содержащуюся в этом пункте ссылку на Постановление Европейского Суда по делу «Имбриосца против Швейцарии» (Imbrioscia v. Switzerland) от 24 ноября 1993 г., § 36, Series A, № 275).

105. Однако использование в качестве доказательств показаний, полученных на стадии полицейской проверки и судебного расследования, само по себе не противоречит пункту 1 и подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции при условии, что права стороны защиты были соблюдены. Как правило, эти права требуют предоставления обвиняемому достаточной и надлежащей возможности оспорить свидетельские показания и допросить свидетеля, показывающего против него, либо в момент дачи этим свидетелем показаний, либо на более поздней стадии разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 118, с дальнейшими ссылками, см. также Решение Европейского Суда по делу «A.G. против Швеции» (A.G. v. Sweden) от 10 января 2012 г., жалоба № 315/09, и Постановление Европейского Суда по делу «Трампеvски против Македонии» (Trampevski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) от 10 июля 2012 г., жалоба № 4570/07, § 44).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

106. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» Европейский Суд сделал вывод, что принятие в качестве доказательства показаний свидетеля, не явившегося на судебное заседание, показания которого, полученные на стадии предварительного расследования, являлись единственным или решающим доказательством вины обвиняемого, автоматически не влекло за собой нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд мотивировал данный вывод тем, что негибкое применение так называемого единственного или решающего правила (в соответствии с которым судебное разбирательство признается несправедливым, если обвинительный приговор основан исключительно или в решающей степени на доказательствах, предоставленных свидетелем, которого обвиняемый не имел возможности допросить ни на одной стадии производства по делу; *ibid*¹, §§ 128 и 147) противоречило бы традиционному подходу Европейского Суда к рассмотрению жалоб на нарушение права на справедливое разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, состоящему в установлении того, являлось ли справедливым разбирательство в целом. Однако принятие таких доказательств ввиду неизбежных рисков для справедливости судебного разбирательства представляло собой важный фактор, который должен был быть принят во внимание при уравнивании интересов (*ibid.*, §§ 146–147).

107. В соответствии с принципами, разработанными в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», необходимо применить критерии трехступенчатого теста для установления соответствия пункту 1 и подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции разбирательства, в котором в качестве доказательства были использованы показания свидетеля, не явившегося в суд и не допрошенного на стадии судебного разбирательства (*ibid.*, § 152). Европейский Суд должен изучить:

(i) существовали ли веские основания для неявки свидетеля на судебное заседание и, соответственно, для принятия в качестве доказательства непроверенных показаний неявившегося свидетеля (*ibid.*, §§ 119–125);

(ii) являлись ли доказательства неявившегося свидетеля единственным или решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора (*ibid.*, §§ 119 и 126–147);

(iii) имелись ли достаточные уравнивающие факторы, в том числе важные процессуальные гарантии, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты в результате принятия в качестве доказательства непроверенных

показаний, и обеспечивающие справедливость судебного разбирательства, оцениваемого в целом (*ibid.*, § 147).

108. Что касается применимости вышеизложенных принципов в контексте различных правовых систем Договаривающихся Сторон, в частности, в контексте систем общего и континентального права, Европейский Суд повторяет, что, хотя для него имеют значение существенные различия, имеющиеся между правовыми системами и процедурами, в том числе различные подходы к признанию допустимыми доказательств в рамках разбирательства по уголовному делу, в конечном счете Европейский Суд должен применять единый стандарт оценки при рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции вне зависимости от правовой системы, в которой зародилось дело (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 130).

109. Кроме того, по делам, возникающим из индивидуальных жалоб, в задачу Европейского Суда не входит абстрактный анализ соответствующего законодательства. Наоборот, Европейский Суд должен ограничиться, насколько это возможно, изучением вопросов, затронутых переданным на его рассмотрение делом (см. среди многих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.G. против Италии» (N.C. v. Italy), жалоба № 24952/94, § 56, ECHR 2002-X, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии», § 83). При рассмотрении дела Европейский Суд, разумеется, осознает различия между правовыми системами Договаривающихся Сторон Конвенции, когда речь заходит о таких вопросах, как принятие в качестве доказательства показаний неявившегося свидетеля и соответствующая необходимость в предоставлении гарантий, обеспечивающих справедливость разбирательства. В настоящем деле Европейский Суд надлежащим образом учтет подобные различия при установлении, в частности, того, существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты в результате принятия в качестве доказательства непроверенных свидетельских показаний (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 146).

(b) Взаимосвязь между тремя ступенями теста дела Аль-Хавайя

110. Европейский Суд считает, что применение принципов, разработанных в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты

¹ *Ibid.* (лат. сокращение от *ibidem*) – там же (примеч. переводчика).

Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», в последующей прецедентной практике выявило необходимость в уточнении взаимосвязи между вышеуказанными тремя ступенями теста дела Аль-Хавайя, когда речь идет о рассмотрении вопроса о соответствии Конвенции судебного разбирательства, в котором были приняты в качестве доказательств непроверенные инкриминирующие свидетельские показания. Очевидно, что каждая из трех ступеней теста должна быть рассмотрена, если, как в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», на вопросы первой (существовали ли веские основания для неявки свидетеля) и второй (были ли доказательства неявившегося свидетеля единственным или решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора) ступеней дан утвердительный ответ (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», §§ 120 и 147). Но Европейскому Суду надлежало разъяснить, должны ли все три ступени теста быть пройдены в случаях, когда ответ на вопросы первой или второй ступени отрицательный, а также уточнить, в каком порядке должно осуществляться прохождение всех ступеней теста.

(i) Влечет ли само по себе отсутствие веских оснований для неявки свидетеля нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции

111. В отношении вопроса о том, влечет ли само по себе отсутствие веских оснований для неявки свидетеля (первая ступень теста дела Аль-Хавайя) нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, без необходимости прохождения второй и третьей ступеней теста, Европейский Суд отмечает следующее. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» Европейский Суд счел, что требование о том, чтобы существовали веские основания для принятия в качестве доказательства показаний неявившегося свидетеля, являлось «предварительным вопросом», который следовало изучить до того, как будет рассмотрен вопрос о том, являлось ли это доказательство единственным или решающим (*ibid.*, § 120). Далее Европейский Суд отметил, что он устанавливал нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции даже в тех случаях, когда показания неявившегося свидетеля не являлись ни единственным, ни решающим доказательством, если не были продемонстрированы веские основания для того, чтобы не допрашивать свидетеля (*ibid.*, с последующими ссылками).

112. Европейский Суд замечает, что требование о предоставлении обоснования в случае, если свидетель не был вызван, получило развитие в его прецедентной практике применительно к вопросу о том, было ли осуждение подсудимого основано исключительно или в решающей степени на показаниях неявившегося свидетеля (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 128). Европейский Суд напоминает, что причиной вынесения Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», в котором он отступил от так называемого единственного или решающего правила, было стремление отойти от правила, применяющегося автоматически, и вернуться к традиционному рассмотрению справедливости разбирательства в целом (*ibid.*, §§ 146–147). Однако созданием нового неизбирательного подхода стало бы признание разбирательства несправедливым лишь потому, что отсутствует веское основание для неявки свидетеля, даже если непроверенные показания не являлись ни единственным, ни решающим доказательством и, возможно, даже не имели значения для исхода дела.

113. Европейский Суд отмечает, что в некотором количестве дел, рассмотренных после вынесения Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», он использовал общий подход к изучению вопроса о справедливости судебного разбирательства, учитывающий все три ступени теста дела Аль-Хавайя (см. Постановление Европейского Суда по делу «Салихов против Российской Федерации» (*Salikhov v. Russia*) от 3 мая 2012 г., жалоба № 23880/05¹, §§ 118 *et seq.*, Постановление Европейского Суда по делу «Асадбейли и другие против Азербайджана» (*Asadbeyli and Others v. Azerbaijan*) от 11 декабря 2012 г., жалобы №№ 3653/05, 14729/05, 20908/05, 26242/05, 36083/05 и 16519/06, § 134, Постановление Европейского Суда по делу «Евгений Иванов против Российской Федерации» (*Yevgeniy Ivanov v. Russia*) от 25 апреля 2013 г., жалоба № 27100/03², §§ 45–50, и Постановление Европейского Суда по делу «Шандру против Румынии» (*Şandru v. Romania*) от 15 октября 2013 г., жалоба № 33882/05, §§ 62–70). Однако в других делах одного лишь отсутствия веских оснований для неявки свидетеля обвинения хватило для признания пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции нарушенными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Рудниченко против Украины» (*Rudnichenko v.*

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 4 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2014. № 5 (примеч. редактора).

Ukraine) от 11 июля 2013 г., жалоба № 2775/07, §§ 105–110, и Постановление Европейского Суда по делу «Николициас против Греции» (Nikolitsas v. Greece) от 3 июля 2014 г., жалоба № 63117/09, § 35, в последнем случае Европейский Суд всё же прошел остальные ступени теста дела Аль-Хавайя, см. *ibid.*, §§ 36–39). В то же время есть дела, в которых был принят дифференцированный подход: отсутствие веских оснований для неявки свидетеля обвинения говорит о несправедливости судебного разбирательства, за исключением случаев, когда показания этого свидетеля явным образом не имели значения для исхода разбирательства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia) от 25 июля 2013 г., жалобы №№ 11082/06 и 13772/05¹, §§ 709–716, Постановление Европейского Суда по делу «Джеват Сойсал против Турции» (Cevat Soysal v. Turkey) от 23 сентября 2014 г., жалоба № 17362/03, §§ 76–79, и Постановление Европейского Суда по делу «Сулдин против Российской Федерации» (Suldin v. Russia) от 16 октября 2014 г., жалоба № 20077/04², §§ 56–59). Принимая во внимание вышеизложенное (см. §§ 111–112 настоящего Постановления), Большая Палата считает, что отсутствие веских оснований для неявки свидетеля само по себе не может свидетельствовать о несправедливости судебного разбирательства. Соответственно, отсутствие веских оснований для неявки свидетеля обвинения является важным фактором, который следует учитывать при оценке общей справедливости судебного разбирательства и который может склонить чашу весов в пользу вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

(ii) По-прежнему необходимы ли достаточные уравнивающие факторы, если непроверенные свидетельские показания не являются ни единственным, ни решающим доказательством

114. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» Европейский Суд рассмотрел требование о наличии достаточных уравнивающих факторов для обеспечения справедливой и надлежащей оценки надежности доказательств в контексте дел, в которых обвинительные приговоры были основаны исключительно или в решающей

степени на показаниях неявившихся свидетелей (*ibid.*, § 147).

115. Что касается вопроса о том, необходимо ли рассматривать вопрос о наличии достаточных уравнивающих факторов даже в случаях, когда показания неявившегося свидетеля не достигают уровня признания их единственным или решающим доказательством, на котором основывается обвинительный приговор, вынесенный заявителю, Европейский Суд напоминает, что, как правило, он считает необходимым исследовать справедливость разбирательства в целом. Традиционно такое рассмотрение включало анализ значения непроверенных доказательств для доказывания виновности обвиняемого и изучение уравнивающих мер, принятых судами для компенсации сложностей, с которыми столкнулась сторона защиты (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гани против Испании» (Gani v. Spain) от 19 февраля 2013 г., жалоба № 61800/08, § 41, с большим количеством ссылок в нем, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Фафрович против Польши» (Fafrowicz v. Poland) от 17 апреля 2012 г., жалоба № 43609/07, §§ 58–63, Решение Европейского Суда по делу «Селлик и Селлик против Соединенного Королевства» (Sellick and Sellick v. United Kingdom) от 16 октября 2012 г., жалоба № 18743/06, §§ 54–55 (касающееся показаний неявившихся свидетелей, признанных «важными»), Постановление Европейского Суда по делу «Беггз против Соединенного Королевства» (Beggs v. United Kingdom) от 6 ноября 2012 г., жалоба № 25133/06, §§ 156–159 (касающееся показаний неявившегося свидетеля, признанных лишь частью косвенных улик), Постановление Европейского Суда по делу «Штефанчич против Словении» (Štefančič v. Slovenia) от 25 октября 2012 г., жалоба № 18027/05, §§ 42–47 (касающееся показаний неявившегося свидетеля, признанных одним из доказательств, на которых основан обвинительный приговор, вынесенный заявителю), и Решение Европейского Суда по делу «Гарофоло против Швейцарии» (Garofolo v. Switzerland) от 2 апреля 2013 г., жалоба № 4380/09, §§ 52 и 56–57, но также см. Постановление Европейского Суда по делу «Матыцина против Российской Федерации» (Matytsina v. Russia) от 27 марта 2014 г., жалоба № 58428/10³, §§ 164–165, и Постановление Европейского Суда по делу «Хорнкасл и другие против Соединенного Королевства» (Horncastle and Others v. United Kingdom) от 16 декабря 2014 г., жалоба № 4184/10, §§ 150–151 (в этих двух делах вопрос о наличии уравнивающих факторов не рассматривался ввиду небольшой важности показания неявившегося свидетеля)).

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2014. № 4 (примеч. редактора).

116. Учитывая, что Европейский Суд стремится установить, являлось ли разбирательство в целом справедливым, он должен рассматривать вопрос о наличии достаточных уравнивающих факторов не только в случаях, когда показания неявившегося свидетеля являются единственным или решающим доказательством, на котором основывается обвинительный приговор, вынесенный заявителю, но также и в случаях, когда, проанализировав то, как внутригосударственные суды оценили вес доказательства (подробней описано в § 124 настоящего Постановления), Европейский Суд признает неясным, является ли соответствующее доказательство единственным или решающим основанием, но всё же придерживается мнения, что данное доказательство имеет значительный вес и его принятие может создать сложности для стороны защиты. Объем уравнивающих факторов, необходимый для того, чтобы судебное разбирательство могло рассматриваться как справедливое, будет зависеть от значений показаний отсутствующего свидетеля. Чем важнее эти показания, тем больше веса должны иметь уравнивающие факторы для того, чтобы разбирательство в целом могло быть признано справедливым.

(iii) Порядок применения трехступенчатого теста дела Аль-Хавайя

117. Европейский Суд замечает, что в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» требование о наличии веских оснований для неявки свидетеля (первая ступень) и последующего принятия в качестве доказательства показаний неявившегося свидетеля было признано предварительным вопросом, который должен быть рассмотрен до вопроса о том, являлось ли это доказательство единственным или решающим (вторая ступень, *ibid.*, § 120). В данном контексте слово «предварительный» может толковаться как означающее промежуток времени: суд должен сначала решить, существуют ли веские основания для неявки свидетеля и, соответственно, могут ли быть признаны допустимыми показания неявившегося свидетеля. И только приняв свидетельские показания в качестве доказательства, суд может оценить на заключительной стадии судебного разбирательства и с учетом всех представленных доказательств значение показаний неявившегося свидетеля, а также вопрос о том, являются ли, в частности, показания неявившегося свидетеля единственным или решающим основанием для осуждения подсудимого. От весомости показаний неявившегося свидетеля будет зависеть, какой вес должны иметь уравнивающие факторы (третья ступень), чтобы была обеспечена справедливость судебного разбирательства в целом.

118. Принимая во внимание вышеизложенное, как правило, было бы уместно рассматривать вопросы, стоящие на каждой из трех ступеней теста дела Аль-Хавайя, в порядке, в котором они приводятся в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (см. § 107 настоящего Постановления). Однако все три ступени теста взаимосвязаны и в совокупности служат для установления того, было ли в целом справедливым разбирательство по уголовному делу. Соответственно, в отдельном случае может быть необходимо рассмотреть вопросы каждой из ступеней в ином порядке, например, если одна из ступеней позволяет сделать обоснованный вывод о справедливости или несправедливости разбирательства (см. в этой связи, например, Постановление Европейского Суда по делу «Нечто против Российской Федерации» (*Nechto v. Russia*) от 24 января 2012 г., жалоба № 24893/05¹, §§ 119–125 и 126–127, Постановление Европейского Суда по делу «Миткус против Латвии» (*Mitkus v. Latvia*) от 2 октября 2012 г., жалоба № 7259/03, §§ 101–102 и 106, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гани против Испании», §§ 43–45, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шандру против Румынии», §§ 62–66. Во всех этих делах вторая ступень, то есть вопрос о том, являлись ли показания неявившегося свидетеля единственным или решающим доказательством, была пройдена до первой ступени, то есть до исследования того, существовали ли веские основания для неявки свидетеля).

(с) Принципы, относящиеся к каждой из трех ступеней теста дела Аль-Хавайя

(i) Существовали ли веские основания для неявки свидетеля на судебное заседание

119. С точки зрения суда, рассматривающего дело, должны существовать веские причины для неявки свидетеля, то есть суд должен иметь веские фактические и правовые основания для того, чтобы не обеспечивать явку свидетеля на судебное заседание. Если имелись веские основания для неявки свидетеля в этом смысле, значит, были веские основания или обоснование для принятия судом непроверенных показаний неявившегося свидетеля в качестве доказательства. Можно назвать ряд причин, по которым свидетель может не явиться на судебное заседание, такие как смерть или страх (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», §§ 120–125),

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2013. № 3 (примеч. редактора).

состояние здоровья (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Бобеш против Румынии» (Bobes v. Romania) от 9 июля 2013 г., жалоба № 29752/05, §§ 39–40, Постановление Европейского Суда по делу «Вронченко против Эстонии» (Vronchenko v. Estonia) от 18 июля 2013 г., жалоба № 59632/09, § 58, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Матыцина против Российской Федерации», § 163) или недосыгаемость свидетеля.

120. По делам, касающимся неявки свидетеля ввиду его недосыгаемости, Европейский Суд требует от суда, рассматривающего дело, предпринять все разумные усилия для обеспечения явки свидетеля (см. Постановление Европейского Суда по делу «Габриелян против Армении» (Gabrielyan v. Armenia) от 10 апреля 2012 г., жалоба № 8088/05, § 78, Постановление Европейского Суда по делу «Цебер против Чешской Республики» (Tseber v. Czech Republic) от 22 ноября 2012 г., жалоба № 46203/08, § 48, и Постановление Европейского Суда по делу «Костецки против Польши» (Kostecki v. Poland) от 4 июня 2013 г., жалоба № 14932/09, §§ 65 и 66). Европейский Суд признал, что тот факт, что внутригосударственные суды не могут установить местонахождение соответствующего свидетеля или что свидетель выехал из страны, в которой проводилось разбирательство, сам по себе не является достаточным для того, чтобы можно было говорить о соблюдении требований подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, который требует от Договаривающихся Сторон принятия позитивных мер, позволяющих обвиняемому допросить лично или через представителя свидетелей, показывающих против него (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Габриелян против Армении», § 81, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Цебер против Чешской Республики», § 48, и Постановление Европейского Суда по делу «Лучич против Хорватии» (Lučić v. Croatia) от 27 февраля 2014 г., жалоба № 5699/11, § 79).

121. В задачи Европейского Суда не входит составление списка конкретных мер, которые должны принять внутригосударственные суды с целью предпринять все разумные усилия для обеспечения явки свидетеля, которого они признали недосыгаемым (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Цебер против Чешской Республики», § 49). Однако очевидно, что суды должны активно разыскивать свидетеля с помощью внутригосударственных органов, включая полицию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Салихов против Российской Федерации», §§ 116–117, Постановление Европейского Суда по делу «Прэжинэ против Румынии» (Prăjină v. Romania) от 7 января 2014 г., жалоба № 5592/05, § 47, упоми-

навшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лучич против Хорватии», § 79) и должны, как правило, прибегнуть к международной правовой помощи, когда свидетель проживает на территории иностранного государства и когда такие механизмы существуют (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Габриелян против Армении», § 83, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фафрович против Польши», § 56, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лучич против Хорватии», § 80, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Николиас против Греции», § 35).

122. Обязанность государственных органов предпринимать все разумные меры для обеспечения явки свидетеля на судебное заседание предполагает также тщательное исследование внутригосударственными судами причин, по которым свидетель не может явиться на судебное заседание, учитывая ситуацию конкретного свидетеля (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нечто против Российской Федерации», § 127, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дамир Сибгатуллин против Российской Федерации», § 56, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Евгений Иванов против Российской Федерации», § 47).

(ii) Являлись ли доказательства неявившихся свидетелей единственным и решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора

123. По вопросу о том, являлись ли показания неявившегося свидетеля, которые были приняты в качестве доказательства, единственным и решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора (вторая ступень теста дела Аль-Хавайя), Европейский Суд напоминает, что под «единственным» доказательством понимается одно имеющееся доказательство против обвиняемого (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 131). Под «решающим» доказательством в узком смысле понимается доказательство, значение или важность которого таковы, что оно может определить исход дела. Когда непроверенные свидетельские показания подкрепляются другими подтверждающими доказательствами, их признание решающими будет зависеть от весомости подтверждающих доказательств: чем они весомей, тем меньше вероятность того, что показания неявившегося свидетеля будут признаны решающим доказательством (*ibid.*, § 131).

124. В связи с тем, что Европейский Суд не выполняет функции суда четвертой инстанции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Николиас против Греции», § 30), точкой отсчета для него при решении вопроса о том, был ли обвинительный приговор, вынесенный заявителю, основан исключительно или в решающей степени на показаниях неявившегося свидетеля, являются решения внутригосударственных судов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Беггз против Соединенного Королевства», § 156, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Костецки против Польши», § 67, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хорнкасл и другие против Соединенного Королевства», §§ 141 и 150). Европейский Суд исследует оценку, выполненную внутригосударственными судами, в свете значения, которое он придавал выражениям «единственное» и «решающее» доказательство, и выясняет для себя, не была ли оценка весомости доказательств, выполненная внутригосударственными судами, неприемлемой или произвольной (см. для сравнения, например, Решение Европейского Суда по делу «Макглинн против Соединенного Королевства» (McGlynn v. United Kingdom) от 16 октября 2012 г., жалоба № 40612/11, § 23, и упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Гарофоло против Швейцарии», §§ 52–53). Далее Европейский Суд должен провести собственную оценку весомости показаний, данных неявившимся свидетелем, если внутригосударственные суды не указали свою позицию по данному вопросу либо если их позиция является нечеткой (см. для сравнения, например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фафрович против Польши», § 58, Постановление Европейского Суда по делу «Пичугин против Российской Федерации» (Pichugin v. Russia) от 23 октября 2012 г., жалоба № 38623/03¹, §§ 196–200, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Цебер против Чешской Республики», §§ 54–56, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Николиас против Греции», § 36).

(iii) Существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты

125. В отношении того, существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты в результате принятия на стадии судеб-

ного разбирательства непроверенных свидетельских показаний в качестве доказательства (третья ступень теста дела Аль-Хавайя), Европейский Суд напоминает, что эти уравнивающие факторы должны позволить справедливо и надлежащим образом оценить надежность соответствующего доказательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 147).

126. Европейский Суд признал важной гарантией осмотрительность внутригосударственных судов при принятии непроверенных показаний неявившегося свидетеля (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 161, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гани против Испании», § 48, и Постановление Европейского Суда по делу «Бжущиньски против Польши» (Brzuszczyński v. Poland) от 17 сентября 2013 г., жалоба № 23789/09, §§ 85–86). Суды должны продемонстрировать, что им было известно о том, что показания неявившегося свидетеля имеют низкую значимость (см. для сравнения, например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 157, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бобеш против Румынии», § 46). В данном контексте Европейский Суд в ранее рассмотренных делах учитывал, мотивировали ли внутригосударственные суды подробно свое решение о признании доказательства надежным, принимая во внимание и другие имеющиеся доказательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бжущиньски против Польши», §§ 85–86 и 89, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Прэжинэ против Румынии», § 59, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Николиас против Греции», § 37). Европейский Суд также принимал во внимание любые указания, которые давали присяжные судье, рассматривающему дело, по поводу показаний неявившегося свидетеля (см., например, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Селлик и Селлик против Соединенного Королевства», § 55).

127. Дополнительной гарантией в этом контексте может стать показ в судебном заседании видеозаписи допроса неявившегося свидетеля, проведенного на стадии предварительного расследования, которая позволила бы суду, стороне обвинения и стороне защиты наблюдать за поведением свидетеля во время допроса и сформировать собственное мнение о надежности его показаний (см. упоминавшееся выше

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 4 (примеч. редактора).

Решение Европейского Суда по делу «А.Г. против Швеции», Постановление Европейского Суда по делу «Хмура против Польши» (Chmura v. Poland) от 3 апреля 2012 г., жалоба № 18475/05, § 50, Решение Европейского Суда по делу «D.T. против Нидерландов» (D.T. v. Netherlands) от 2 апреля 2013 г., жалоба № 25307/10, § 50, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Евгений Иванов против Российской Федерации», § 49, Постановление Европейского Суда по делу «Росин против Эстонии» (Rosin v. Estonia) от 19 декабря 2013 г., жалоба № 26540/08, § 62, и Решение Европейского Суда по делу «Гонсалес Нахера против Испании» (González Nájera v. Spain) от 11 февраля 2014 г., жалоба № 61047/13, § 54).

128. Еще одной существенной гарантией является наличие у суда доказательств, подтверждающих непроверенные свидетельские показания (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Сикэ против Румынии» (Sică v. Romania) от 9 июля 2013 г., жалоба № 12036/05, §§ 76–77, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бжуциньски против Польши», § 87, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Прэжинэ против Румынии», §§ 58 и 60). Подобными доказательствами могут являться, *inter alia*, показания лиц, которым неявившийся свидетель рассказывал о произошедшем сразу после происшествия (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 156, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Макглинн против Соединенного Королевства», § 24, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «D.T. против Нидерландов», § 50, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Гонсалес Нахера против Испании», § 55), вещественные доказательства, собранные в отношении преступления, в том числе данные судебно-медицинской экспертизы (см., например, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Макглинн против Соединенного Королевства», § 24 (результаты ДНК-исследования)) и заключения экспертов относительно травм, причиненных потерпевшему, или их достоверность (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гани против Испании», § 48, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Гонсалес Нахера против Испании», § 56, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Росин против Эстонии», § 61). Европейский Суд также признавал важным фактором, подтверждающим показания неявившегося свидетеля, совпадения между описанием предполагаемого преступления, совершенного в отношении свидетеля, которое дал этот свидетель, и описанием похожего преступления, совер-

шенного тем же подсудимым, которое дал другой свидетель, с которым по имеющимся сведениям первый свидетель не общался. Эти совпадения приобретают еще большее значение, если последний свидетель давал показания на стадии судебного разбирательства, и надежность этого свидетеля проверена в ходе перекрестного допроса (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 156).

129. Кроме того, в случаях, когда свидетель отсутствует и не может быть допрошен в судебном разбирательстве, важной гарантией является предоставление стороне защиты возможности задать свои вопросы свидетелю косвенно, например, в письменной форме на стадии судебного разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Евгений Иванов против Российской Федерации», § 49, и Постановление Европейского Суда по делу «Шолер против Германии» (Scholer v. Germany) от 18 декабря 2014 г., жалоба № 14212/10, § 60).

130. Также важной гарантией, компенсирующей сложности, с которыми сталкивается сторона защиты в результате принятия судом в качестве доказательства непроверенных свидетельских показаний, является предоставление заявителю или защитнику возможности допросить свидетеля на стадии предварительного расследования (см., *inter alia*, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «А.Г. против Швеции», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гани против Испании», § 48, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шандру против Румынии», § 67). В данном контексте Европейский Суд устанавливал, что, если следственные органы на стадии предварительного расследования поняли, что свидетеля невозможно будет допросить на стадии судебного разбирательства, они должны были предоставить стороне защиты возможность задать вопросы потерпевшему в ходе предварительного расследования (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Росин против Эстонии», §§ 57 *et seq.*, в частности §§ 57 и 60, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вронченко против Эстонии», §§ 61 и 63, оба дела касались отсутствия на судебном заседании несовершеннолетней потерпевшей в результате совершения преступления против половой неприкосновенности в целях защиты интересов ребенка; и см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Айгнер против Австрии» (Aigner v. Austria) от 10 мая 2012 г., жалоба № 28328/03, §§ 41–42, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Трамевски против Македонии», § 45). Такие досудебные слушания зачастую организуются для того, чтобы предупредить возможный риск неавки

ключевого свидетеля для дачи показаний на стадии судебного разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хмура против Польши», § 51).

131. Обвиняемому также должна быть предоставлена возможность изложить собственную версию событий и оспорить надежность неявившегося свидетеля, указав на непоследовательность и несоответствие показаний этого свидетеля показаниям других свидетелей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Айгнер против Австрии», § 43, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «D.T. против Нидерландов», § 50, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Гарофоло против Швейцарии», § 56, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гани против Испании», § 48). Если личность свидетеля известна стороне защиты, она может установить и расследовать мотивы для лжи, которые могут иметься у этого свидетеля, тем самым эффективно оспорив благонадежность свидетеля, пусть и не так эффективно, как при очной ставке (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Цебер против Чешской Республики», § 63, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Гарофоло против Швейцарии», § 56, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сикэ против Румынии», § 73, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бжущиньски против Польши», § 88).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(а) Существовали ли веские основания для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание

132. В настоящем деле Европейский Суд сначала изучит то обстоятельство, существовали ли веские основания для неявки свидетельниц обвинения О. и Р. на судебное заседание с точки зрения суда, рассматривавшего дело, и, соответственно, имелись ли веские основания или обоснование для этого суда для принятия в качестве доказательства непроверенных показаний неявившихся свидетельниц (см. § 119 настоящего Постановления).

133. Решая вопрос о том, имелись ли у суда земли веские фактические и правовые основания, чтобы не обеспечивать явку свидетельниц на судебное заседание, Европейский Суд хотел бы отметить прежде всего, что, как правильно подчеркнул заявитель, суд земли не согласился с тем, что состояние здоровья или страхи свидетельниц оправдывали их неявку на судебное заседание.

134. Подтверждением этого является то, что суд земли письмом от 29 августа 2007 г. просил свиде-

тельниц, проживавших в Латвии, явиться на судебное заседание, хотя ранее они отказались явиться по повестке, сославшись на медицинские справки, в которых говорилось о том, что у них было нестабильное посттравматическое эмоциональное и психологическое состояние (см. §§ 23 и 24 настоящего Постановления). Кроме того, после отмены судебного заседания судом Латвии, чему предшествовало очередное предоставление свидетельницами медицинских справок, в которых указывалось, что свидетельницы по-прежнему страдали посттравматическим стрессовым расстройством, суд земли сообщил суду Латвии, что в соответствии со стандартами уголовного процессуального права Германии свидетельницы не в достаточной степени мотивировали свой отказ от дачи показаний. Соответственно, суд земли предложил суду Латвии, чтобы врач, находящийся на государственной должности, проверил состояние здоровья свидетельниц и их способность давать показания или, как вариант, чтобы суд страны принудил свидетельниц к явке на судебное заседание в Латвии. Суд Латвии оставил указанные предложения без ответа (см. §§ 26 и 37 настоящего Постановления).

135. Только после того, как все усилия с целью лично допросить свидетельниц не дали результата, суд земли признал, что имели место непреодолимые препятствия для допроса свидетельниц в ближайшее время. Сославшись на подпункт 2 пункта 1 статьи 251 и подпункт 1 пункта 2 статьи 251 УПК Германии, суд земли принял в качестве доказательств по делу протоколы допроса свидетельниц на стадии предварительного расследования (см. § 28 настоящего Постановления). Поэтому основанием для принятия такой меры судом земли была недостижимость свидетельниц для суда, рассматривающего дело, у которого не было права принудить их к явке (то есть отсутствовало процессуальное или правовое основание).

136. Как требуется в случаях, касающихся неявки свидетелей обвинения ввиду их недостижимости, Европейский Суд должен изучить вопрос о том, принял ли суд, рассматривавший дело, все разумные усилия для обеспечения явки свидетельниц на судебное заседание (см. § 120 настоящего Постановления). Европейский Суд отмечает в этой связи, что суд земли принял значительные позитивные меры, чтобы позволить стороне защите, самому суду и стороне обвинения допросить свидетельниц О. и Р.

137. Суд земли, проведя критический анализ причин отказа свидетельниц от дачи показаний на стадии судебного разбирательства, проводившегося в Германии, которые были указаны в медицинских справках, предоставленных ими, и сочтя эти причины, как видно выше, недостаточными для обоснования их неявки, связывался с каждой из заявительниц, предлагал им различные варианты дачи показаний в рамках судебного разбирательства, которые были отклонены свидетельницами.

138. Суд земли прибегнул затем к институту международной правовой помощи и попросил вызвать свидетельниц в суд Латвии, чтобы председательствующий судья суда земли мог допросить их с использованием видеосвязи, а сторона защиты могла задать им свои вопросы в ходе перекрестного допроса. Однако судебное заседание было отменено судом Латвии, который принял отказ свидетельниц от дачи показаний на основании предоставленных ими медицинских справок. Суд земли, вновь проведя критический анализ приведенных свидетельницами причин, по которым они не могли явиться на судебное заседание, предложил суду Латвии организовать обследование свидетельниц врачом, находящимся на государственной должности, или, в качестве варианта, принудить их к явке в суд, но данное предложение осталось без ответа (см. подробнее в §§ 23–27 настоящего Постановления).

139. Принимая во внимание вышеизложенное, Большая Палата соглашается с выводом Палаты Европейского Суда по данному вопросу и признает, что суд земли предпринял все разумные усилия в рамках действующего законодательства (см. §§ 64–66 настоящего Постановления) с целью обеспечить явку свидетельниц О. и Р. В пределах своей юрисдикции на территории Германии у суда земли больше не было разумных средств для обеспечения явки на судебное заседание О. и Р., гражданок Латвии, проживающих на территории этой страны. Европейский Суд считает, в частности, что ничто не указывало на то, что суд, рассматривавший дело, мог добиться допроса свидетельниц в разумный срок после проведения политических переговоров с властями Латвийской Республики на двустороннем уровне, как это предлагал заявитель. В соответствии с принципом *impossibilium nulla est obligatio*¹ на внутригосударственные суды не могла быть возложена ответственность за неявку свидетельниц.

140. Соответственно, с точки зрения суда, рассматривавшего дело, имело место веское основание для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание и, как следствие, для принятия в качестве доказательства показаний, которые свидетельницы дали сотрудникам полиции и следственному судье на стадии предварительного расследования.

(b) Являлись ли доказательства неявившихся свидетельниц единственным и решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора

141. При определении значимости доказательств, представленных неявившимися свидетельницами, и, в частности, при решении вопроса о том, являлись ли их показания единственным и решающим основанием для вынесения заявителю обвинитель-

ного приговора, Европейский Суд учитывает прежде всего мнение внутригосударственных судов. Европейский Суд отмечает, что суд земли признал, что О. и Р. являлись ключевыми свидетельницами обвинения («maßgebliche[n] Belastungszeuginnen»), но основывался на других собранных доказательствах (см. §§ 32 и 36 настоящего Постановления). Федеральный верховный суд Германии в свою очередь оставил апелляционную жалобу заявителя по вопросам права без удовлетворения, сославшись на мотивы, приведенные генеральным прокурором при Федеральном верховном суде Германии, который утверждал, что указанные свидетельские показания не являлись ни единственным, ни решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора, поскольку суд земли основывал свой приговор на других существенных доказательствах (см. § 49 настоящего Постановления).

142. Европейский Суд считает, что внутригосударственные суды, не признавшие свидетельские показания О. и Р. единственным (то есть исключительным) доказательством против заявителя, не указали ясным образом, признали ли они эти свидетельские показания «решающим» доказательством в соответствии с определением, содержащимся в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» (которое было принято позже решений, вынесенных внутригосударственными судами по настоящему делу), то есть доказательством, которое в силу своей важности может повлиять на исход дела (см. § 123 настоящего Постановления). Решение суда земли об отнесении свидетельниц к категории «maßgeblich» (это слово может переводиться не только как ключевой, но и как важный, значительный, решающий) в данном случае не лишено двусмысленности. Кроме того, общую ссылку Федерального верховного суда Германии на мотивировку, приведенную генеральным прокурором при Федеральном верховном суде Германии, который отрицал тот факт, что показания потерпевших являлись единственным или решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора (см. § 49 настоящего Постановления), нельзя признать означающей, что этот суд поддержал каждый из доводов прокурора.

143. Самостоятельно оценивая значимость свидетельских показаний в свете выводов внутригосударственных судов, Европейский Суд должен учитывать значение остальных имеющихся доказательств виновности (см. § 123 настоящего Постановления). Европейский Суд замечает, что у суда земли имелись, в частности, следующие доказательства, касающиеся совершенного преступления: показания с чужих слов, которые дали в судебном разбирательстве соседка свидетельниц Е. и их подруга Л., пересказавшие версию событий, произошедших 3 февраля 2007 г., сообщенную им свидетельницами О. и Р.; признание заявителем

¹ *Impossibilium nulla est obligatio* (лат.) – невозможное не может вменяться в обязанность (примеч. редактора).

ля, сделанное в ходе судебного разбирательства, согласно которому заявитель в рассматриваемое время находился в квартире О. и Р. и спрыгнул с балкона, преследуя Р.; данные геолокации и записи двух телефонных разговоров, произошедших между одним из подсудимых и заявителем во время совершения преступления, согласно которым заявитель находился в квартире, расположенной поблизости от того места, где было совершено преступление, и также спрыгнул с балкона, пытаясь догнать одну из жительниц этой квартиры, которая убегала; данные GPS, из которых следовало, что автомобиль одного из подсудимых в рассматриваемое время был припаркован рядом с квартирой свидетельниц; и, наконец, доказательства, относящиеся к преступлению, совершенному в г. Касселе 14 октября 2006 г. заявителем и еще одним лицом.

144. Европейский Суд, изучив указанные доказательства, может отметить лишь, что О. и Р. были единственными очевидцами преступления. Остальные доказательства, имевшиеся в распоряжении судов, представляли собой либо показания с чужих слов, либо обычные косвенные технические и иные доказательства, которые не позволяют сделать вывод о совершении разбоя и вымогательства как таковых. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что показания неявившихся свидетельниц являлись «решающими», то есть имеющими определяющее значение при вынесении заявителю обвинительного приговора.

(с) Существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты

145. Европейский Суд должен далее, в качестве третьего шага, определить, существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты в результате признания судами в качестве допустимого доказательства показаний неявившихся свидетельниц, имевших решающее значение. Как отмечено выше (см. §§ 125–131 настоящего Постановления), в данном контексте имеют значение следующие факторы: подход внутригосударственного суда к рассмотрению непроверенных доказательств, а также процессуальные меры, принятые для компенсации отсутствия возможности прямо задать свидетельницам вопросы в ходе перекрестного допроса в суде.

(i) Подход внутригосударственного суда к рассмотрению непроверенных доказательств

146. По поводу отношения внутригосударственных судов к показаниям неявившихся свиде-

тельниц О. и Р. Европейский Суд отмечает, что суд земли с осторожностью подошел к оценке этого доказательства. Суд земли прямо указал в своем решении, что он был обязан с особой осмотрительностью подойти к оценке надежности свидетельниц, поскольку ни у суда, ни у стороны защиты не было возможности допросить их и наблюдать за поведением свидетельниц в суде.

147. Европейский Суд отмечает в данном контексте, что суд земли на стадии судебного разбирательства не имел возможности просмотреть видеозапись допроса свидетельниц следственным судьей, так как видеозапись допроса не проводилась. Европейский Суд обращает внимание, что в различных правовых системах суды используют эту возможность (см. для сравнения примеры, приведенные в § 127 настоящего Постановления), позволяющую этим судам, стороне защиты и стороне обвинения наблюдать за поведением свидетеля во время допроса и создать более ясное представление о надежности свидетеля.

148. Суд земли в своем подробно мотивированном решении уточнил, что он осознавал сниженную доказательственную ценность непроверенных свидетельских показаний. Суд земли сравнил показания свидетельниц О. и Р., данные в ходе нескольких допросов на стадии предварительного расследования, и признал, что свидетельницы подробно и непротиворечиво описали обстоятельства совершения преступления. Суд, рассматривавший дело, счел, что незначительные противоречия в показаниях свидетельниц могли быть объяснены их стремлением не раскрывать государственным органам сведения о характере их профессиональной деятельности. Кроме того, как отметил суд земли, тот факт, что свидетельницы не опознали заявителя, демонстрировал, что они не преследовали цели обвинить заявителя в совершении преступления.

149. Европейский Суд заметил далее, что суд земли, оценивая надежность свидетельниц, также рассмотрел некоторые аспекты их поведения относительно их показаний. Суд земли принял во внимание тот фактор, что свидетельницы не сразу сообщили в полицию о преступлении и что они не явились на судебное заседание без уважительных причин. Суд земли счел, что такому поведению имелись объяснения (свидетельницы боялись, что у них будут проблемы с полицией или что преступники захотят им отомстить, а также им было неприятно вспоминать и отвечать на вопросы о преступлении), которые не подрывали доверие к ним.

150. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд считает, что суд земли внимательно рассмотрел вопрос о возможности доверять показаниям неявившихся свидетельниц и их надежности. Европейский Суд отметил в этой связи, что выполнению его задачи по анализу подхода суда, рассма-

тривавшего дело, к непроверенным доказательствам, способствовало то, что суд земли указал мотивы, которыми он руководствовался при оценке представленных ему доказательств, что вообще свойственно континентальной система права.

(ii) Наличие и значимость иных доказательств виновности

151. Европейский Суд напоминает, что суд земли, как показано выше (см. §§ 143–144 настоящего Постановления), имел в своем распоряжении также иные косвенные доказательства виновности и показания с чужих слов, которые подтверждали показания, полученные от О. и Р.

(iii) Процессуальные меры, направленные на компенсацию отсутствия возможности напрямую задать свидетельницам вопросы в ходе перекрестного допроса в суде

152. Европейский Суд замечает, что у заявителя имелась возможность изложить собственную версию событий, произошедших 3 февраля 2007 г., и подвергнуть сомнению надежность свидетельниц, личность которых была ему известна, в том числе задавая вопросы в ходе перекрестного допроса других свидетелей, дававших показания с чужих слов в ходе судебного разбирательства по его делу.

153. Однако Европейский Суд обращает внимание на то, что у заявителя не было возможности задать вопросы свидетельницам О. и Р. косвенно, например, в письменной форме. Кроме того, на стадии предварительного расследования ни заявителю, ни его защитнику не было предоставлено возможности допросить свидетельниц.

154. В этом контексте Европейский Суд указывает на расхождение позиций сторон по вопросу о том, соответствовал ли внутригосударственному законодательству отказ назначить заявителю защитника и позволить защитнику присутствовать при допросе свидетельниц следственным судьей. Европейский Суд полагает, что для целей настоящего разбирательства отсутствует необходимость в формулировании Европейским Судом итоговой позиции по данному вопросу. Европейский Суд напоминает, что при рассмотрении жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции его задача состоит не в проверке соответствия действий судов страны внутригосударственному законодательству (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Шенк против Швейцарии» (*Schenk v. Switzerland*) от 12 июля 1988 г., § 45, Series A, № 140, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, § 94, ECHR 2006-IX, и Постановление Европейского Суда по делу «Хеглас против Чешской Республики

(*Heglas v. Czech Republic*) от 1 марта 2007 г., жалоба № 5935/02, § 84), а в оценке общей справедливости судебного разбирательства с учетом конкретных обстоятельств дела, в том числе способа получения доказательств (см. для сравнения § 101 настоящего Постановления).

155. Европейский Суд считает, что в настоящем деле достаточно отметить, что согласно положениям законодательства Германии органы обвинения могли назначить заявителю защитника (пункт 3 статьи 141 УПК Германии во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 140). Защитник был бы наделен правом присутствовать при допросе свидетелей следственным судьей и, как правило, получил бы уведомление о проведении допроса (пункты 2 и 5 статьи 168с УПК Германии). Однако эти процессуальные гарантии, закрепленные в УПК Германии и получившие развитие в решениях Федерального верховного суда Германии (см. §§ 58–59 настоящего Постановления), не были применены в деле заявителя.

156. Европейский Суд хотел бы подчеркнуть, что, хотя подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции касается перекрестного допроса свидетелей обвинения конкретно в рамках судебного разбирательства, особенности допроса свидетелей обвинения на стадии предварительного расследования имеют существенное значение для справедливости самого судебного разбирательства и даже могут скомпрометировать судебное разбирательство, если ключевые свидетели не могут быть допрошены судом и если вследствие этого их показания, полученные в ходе предварительного расследования, представлены непосредственно в судебном заседании (см. для сравнения § 104 настоящего Постановления).

157. При данных обстоятельствах для принятия решения, было ли судебное разбирательство справедливым в целом, абсолютно необходимо проверить, исходили ли государственные органы на момент проведения допроса на стадии предварительного расследования из предположения, что свидетель не будет допрашиваться на стадии судебного разбирательства. Если следственные органы в ходе предварительного расследования пришли к обоснованному выводу о том, что соответствующего свидетеля будет невозможно допросить в судебном разбирательстве, важной гарантией для стороны защиты явилась бы возможность задать вопросы этому свидетелю во время предварительного расследования (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вронченко против Эстонии», §§ 60 *et seq.*, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Росин против Эстонии», §§ 57 *et seq.*, в соответствии с которыми несовершеннолетним в результате совершения преступления против половой неприкосновенности было дано обещание, что в будущем им не будут задавать каких-либо вопросов по поводу преступления).

158. В этой связи Европейский Суд отмечает, что заявитель оспорил вывод суда земли о том, что было невозможно предугадать неявку свидетельниц на судебное заседание. Европейский Суд согласен с заявителем в том, что свидетельницы были допрошены следственным судьей, поскольку с учетом их планируемого возвращения в Латвию, по мнению органов обвинения, существовала опасность утраты доказательств. Это подтверждает мотивировка адресованного следственному судье ходатайства прокуратуры о безотлагательном допросе О. и Р. с целью получения достоверных показаний, которые в дальнейшем могли быть использованы в судебном разбирательстве (см. § 20 настоящего Постановления). В данном контексте Европейский Суд замечает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 251 УПК Германии письменный протокол ранее проведенного следственным судьей допроса свидетеля может быть зачитан в ходе судебного разбирательства при соблюдении менее строгих условий, чем протокол допроса свидетеля, составленный полицией (пункт 2 статьи 251 УПК Германии, см. § 61 настоящего Постановления).

159. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле государственные органы осознавали, что свидетельницы О. и Р. не выдвинули сразу же обвинения в отношении преступников, боясь проблем с полицией и мести со стороны преступников. Кроме того, они находились в Германии лишь временно, пока их семьи оставались в Латвии, и что О. и Р. объяснили, что они хотели вернуться на родину как можно скорее. При данных обстоятельствах позиция органов обвинения о том, что этих свидетельниц, вероятно, впоследствии невозможно будет допросить в судебном разбирательстве по делу, возбужденному в отношении заявителя в Германии, представляется действительно убедительной.

160. Несмотря на это, органы обвинения не предоставили защитнику, назначенному для представления интересов заявителя, возможности (которая могла быть предоставлена заявителю в соответствии с положениями внутригосударственного законодательства) допросить свидетельниц О. и Р. в ходе предварительного расследования. Поступая подобным образом, государственные органы приняли на себя предсказуемый риск, который впоследствии реализовался, что ни у обвиняемого, ни у его защитника не будет возможности допросить О. и Р. ни на одной стадии производства (см. для сравнения относительно важности присутствия защитника на допросе свидетелей обвинения, проводимом следственным судьей, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хюммер против Германии», §§ 43 и 48).

(iv) Оценка справедливости судебного разбирательства в целом

161. Оценивая справедливость судебного разбирательства в целом, Европейский Суд учтет имевши-

еся уравнивающие факторы, рассматриваемые в совокупности в свете вывода Европейского Суда о том, что показания О. и Р. имели «решающее» значение при вынесении заявителю обвинительного приговора (см. § 144 настоящего Постановления).

162. Европейский Суд отмечает, что в распоряжении суда, рассматривавшего дело, имелись дополнительные инкриминирующие заявителя доказательства в отношении преступления, в совершении которого он был признан виновным. Однако Европейский Суд констатирует, что не было принято почти никаких мер для компенсации отсутствия возможности напрямую задать вопросы свидетельницам в ходе перекрестного допроса на стадии судебного разбирательства. По мнению Европейского Суда, предоставление обвиняемому возможности допросить ключевого свидетеля обвинения по крайней мере в ходе предварительного расследования и будучи представленным защитником является важнейшей процессуальной гарантией, обеспечивающей права обвиняемого на защиту, и отсутствие этой гарантии является значимым фактором при оценке справедливости разбирательства в целом в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

163. Действительно суд, рассматривавший дело, внимательно подошел к оценке надежности неявившихся свидетельниц и достоверности их показаний, тем самым попытавшись компенсировать тот факт, что не был проведен перекрестный допрос свидетельниц, и у заявителя имела возможность изложить собственную версию событий, произошедших в г. Гёттингене. Однако учитывая важность показаний единственных очевидцев преступления, инкриминированного заявителю, принятые уравнивающие меры были недостаточными для того, чтобы можно было выполнить справедливую и надлежащую оценку надежности непроверенных доказательств.

164. Европейский Суд приходит к выводу, что при данных обстоятельствах отсутствие у заявителя возможности допросить непосредственно или опосредованно свидетельниц О. и Р. на любой стадии производства по делу делало несправедливым всё судебное разбирательство в целом.

165. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

166. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

167. Заявитель не представил требований о выплате справедливой компенсации в объяснениях от 25 июня 2013 г., в которых он отвечал на замечания властей Германии, представленные на рассмотрение Палаты Европейского Суда. В формуляре жалобы и в разбирательстве по делу в Большой Палате Европейского Суда заявитель требовал выплаты 30 000 евро в качестве компенсации и 10 000 евро в возмещение судебных расходов и издержек, не уточнив свои требования и не представив подтверждающих документов.

168. Власти Германии не представили комментарии по вопросу о справедливой компенсации в рамках разбирательства в Европейском Суде.

169. В соответствии с пунктом 2 правила 60 Регламента Суда заявитель должен предоставить подробный перечень всех своих требований по пунктам с приложением любых соответствующих подтверждающих документов в срок, установленный для подачи объяснений заявителя по существу дела. Если заявитель не выполняет эти требования, Европейский Суд вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично (пункт 3 правила 60 и правило 71 Регламента Суда). В письме, датированном 15 мая 2013 г., Европейский Суд обратил внимание заявителя на тот факт, что эти требования применялись даже в случае, если он указал свое требование относительно справедливой компенсации на более ранней стадии производства по делу.

170. Европейский Суд отмечает, что в ходе разбирательства по делу в Палате Европейского Суда заявитель не представил требований о справедливой компенсации с приложением любых подтверждающих документов в установленный срок. Заявитель, которому была оказана юридическая помощь в рамках разбирательства в Европейском Суде, также не представил новых уточненных требований с приложением необходимых документов в подтверждение судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства дела в Большой Палате. Европейский Суд, учитывая положения правила 60 Регламента Суда, отказывает в присуждении справедливой компенсации на основании статьи 41 Конвенции.

На основании вышеизложенного Суд:

- 1) постановил девятью голосами «за» при восьми – «против», что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции;
- 2) отклонил единогласно требования заявителя о выплате справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека 15 декабря 2015 г.

Лоренс ЭРЛИ
Юрисконсульт Суда

Дин ШПИЛЬМАНН
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(а) совместное совпадающее особое мнение судей Дина Шпильманна, Ишиль Каракаш, Андраша Шайо и Хелен Келлер;

(b) совместное несовпадающее особое мнение судей Паиви Хирвеля, Драголюб Поповича, Кристины Пардалос, Ангелики Нуссбергер, Пола Махони, Эгидиуса Куриса;

(c) несовпадающее особое мнение судьи Йона Фридрика Кьелбро.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ДИНА ШПИЛЬМАННА, ИШИЛЬ КАРАКАШ, АНДРАША ШАЙО И ХЕЛЕН КЕЛЛЕР

1. Мы согласны с мнением большинства судей в части, касающейся установления нарушения пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Однако у нас есть некоторые опасения, что разъяснение, которое большинство судей дали Постановлению Большой Палаты по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, ECHR 2011), приведет к ослаблению фундаментальной роли права на защиту.

2. Прежде всего мы должны объяснить нашу обеспокоенность по поводу нового подхода к применению трехступенчатого теста, выработанного в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (раздел I), а затем мы выделим некоторые критические точки в применении этих принципов в настоящем деле (раздел II).

I. РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРАВИЛА О «ЕДИНСТВЕННОМ ИЛИ РЕШАЮЩЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ»

3. Ключевой вопрос, лежащий в основе настоящего дела, состоит в том, в каких пределах Европейский Суд может применять критерии трехступенчатого подхода в различном порядке, и ведет ли отсутствие веских оснований для неявки свидетеля *автоматически*¹ к нарушению пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции или же остальные ступени теста также должны быть пройдены.

4. Во-первых, Европейский Суд разъяснил, что отсутствие веских оснований для неявки свидетеля не ведет *автоматически* к нарушению пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. § 113 настоящего Постановления). Во-вторых, Европейский Суд рассмотрел вопрос о том, должен ли он оце-

¹ Здесь и далее текст выделен авторами особых мнений (примеч. редактора).

нивать уравнивающие факторы даже в случаях, когда неясно, являются ли показания такого свидетеля единственным или решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора. Европейский Суд утвердительно ответил на данный вопрос, признав такую оценку необходимой для установления справедливости разбирательства в целом (см. § 116 настоящего Постановления). По мнению Европейского Суда, все три ступени теста взаимосвязаны, и справедливость разбирательства должна оцениваться в свете всех указанных критериев (см. § 118 настоящего Постановления).

5. Мы отчасти не согласны с этим разъяснением. Мы исходим из предположения, что целью трехступенчатого теста дела Аль-Хавайя и Тахири является подведение основы под проверку справедливости в целом в ситуациях, в которых обвиняемый не мог лично допросить свидетелей, но показания свидетелей всё равно были использованы в качестве доказательств виновности.

6. Мы понимаем три ступени, описанные в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», как три независимых, хотя и связанных друг с другом шагов. Мы предпочли бы, чтобы Европейский Суд констатировал, что необоснованная неявка свидетеля представляет собой нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в той мере, в которой показания этого свидетеля представляют какую-либо важность для судебного разбирательства, даже если показания свидетеля не были единственным или решающим основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора. Другими словами, если государственные органы не указали веские основания для неявки свидетеля, Европейскому Суду нет необходимости рассматривать вторую и третью ступени теста дела Аль-Хавайя и Тахири. Данный подход ранее уже был применен Европейским Судом в его Постановлениях по делам «Габриелян против Армении» ((*Gabrielyan v. Armenia*) от 10 апреля 2012 г., жалоба № 8088/05, §§ 77 и 84), «Рудниченко против Украины» ((*Rudnichenko v. Ukraine*) от 11 июля 2013 г., жалоба № 2775/07, §§ 105–110), «Николидас против Греции» ((*Nikolitsas v. Greece*) от 3 июля 2014 г., жалоба № 63117/09, § 35) и «Карпюк и другие против Украины» ((*Karpyuk and Others v. Ukraine*) от 6 октября 2015 г., жалобы №№ 305832/04 и 32152/04, § 108, не вступило в силу на момент составления настоящего особого мнения¹). Например, в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Рудниченко против Украины» Европейский Суд установил нарушение по результатам изучения лишь первой части теста, ясным

образом отметив следующее: «Вышеизложенные соображения позволяют Европейскому Суду сделать вывод, что отсутствовали основания, не говоря уже о веских основаниях, для ограничения права заявителя на допрос свидетеля... При данных обстоятельствах Европейский Суд не считает необходимым переходить ко второй части теста...» (см. § 109, в том же ключе см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Сулдин против Российской Федерации» (*Suldin v. Russia*) от 16 октября 2014 г., жалоба № 20077/04, § 58).

В других делах подход представляется менее ясным, но, по крайней мере, сформировалась тенденция к признанию необоснованной неявки основного свидетеля нарушением Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*) от 25 июля 2013 г., жалобы №№ 11082/06 и 13772/05, § 715, и Постановление Европейского Суда по делу «Джеват Соисал против Турции» (*Cevat Soysal v. Turkey*) от 23 сентября 2014 г., жалоба № 17362/03, §§ 77–78).

7. Мы сожалеем, что большинство судей в настоящем деле продолжили проверку остальных ступеней теста даже после того, как было установлено отсутствие веских оснований для неявки свидетельниц. На наш взгляд, у стороны защиты должна была быть возможность оспорить любые показания свидетелей, имеющие какое-либо значение для судебного разбирательства. Если внутригосударственные суды не могут указать «веские основания» для неявки свидетеля, значит, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. При данных обстоятельствах не только по логическим причинам, но и в интересах эффективности работы Европейского Суда и процессуальной экономии мы предпочли бы установить нарушение уже в этой части Постановления.

8. В дополнение к вышеизложенному мы считаем необходимым отметить еще следующее. Подход, выбранный Европейским Судом (см. §§ 123 и 124 настоящего Постановления), снижает значимость второй части трехступенчатого теста (являлось ли доказательство «единственным или решающим»). Судья внутригосударственного суда в действительности не станет называть показания с чужих слов «единственным или решающим» доказательством. Настоящее дело является хорошим примером этой проблемы. Внутригосударственные суды назвали показания свидетельниц О. и Р. «*maßgeblich*», имея в виду их решающий характер, и тем самым признали О. и Р. ключевыми свидетельницами. В этом отношении Европейскому Суду важно взглянуть поверх формулировки внутригосударственного суда в свете второй ступени (как это сделано в §§ 143 и 144 настоящего Постановления). В противном случае данный подход ведет фактически к двух-

¹ Вступило в силу 6 января 2016 г. (примеч. редактора).

ступенчатому тесту, в соответствии с которым необходимо рассмотреть лишь вопрос о наличии веских оснований для неявки свидетеля и достаточных уравнивающих факторов.

9. Наконец, мы согласны с тем, что Европейский Суд должен внимательно изучать вопрос, приняли ли внутригосударственные органы достаточные уравнивающие меры (см. §§ 125 *et seq.* настоящего Постановления).

II. ПРИМЕНЕНИЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

10. В настоящем деле Европейский Суд прежде всего рассмотрел, имелись ли веские основания для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание. Далее Европейский Суд определил, были ли показания, данные этими двумя свидетельницами, единственным или решающим основанием для решения внутригосударственных судов о признании обвиняемого виновным в совершении преступления. Утвердительно ответив на эти два вопроса, Европейский Суд рассмотрел далее различные уравнивающие факторы, закончив рассмотрение оценкой справедливости судебного разбирательства в целом.

11. Мы согласны с выводом большинства судей, содержащимся в § 140 настоящего Постановления, о наличии веских оснований для неявки свидетельниц О. и Р. На данной стадии не было необходимости определять, являлись ли эти основания достаточными. В любом случае суд, рассматривавший дело, предпринял все разумные усилия для обеспечения участия свидетельниц в судебном разбирательстве.

12. Мы всецело подписываемся под выводом Европейского Суда, содержащимся в § 144 настоящего Постановления. Мы хотели бы подчеркнуть, что одного лишь того, что О. и Р. являлись единственными очевидцами соответствующих событий, Европейскому Суду было достаточно для того, чтобы признать их показания «решающим» доказательством (в этой связи см. также § 8 настоящего особого мнения).

13. Прежде чем перейти к заключительной части теста дела Аль-Хавая и Тахири (уравнивающие факторы), следует сделать одно замечание. В последнее время на внутригосударственном уровне проявилась тенденция к переносу процессуальных действий, свойственных для стадии судебного разбирательства, на стадию предварительного расследования, и производство по делу заявителя является замечательным примером данной тенденции. Когда Европейский Суд сам сталкивается с этой тенденцией, мы видим две возможные реакции. С одной стороны, Европейский Суд мог бы признать, что перенос процессуальных действий на стадию предварительного расследования совершенно не соответствует Конвенции. Но подобный

подход Европейский Суд отверг. С другой стороны, Европейский Суд мог бы позволить принимать такие процессуальные меры на стадии предварительного расследования. Однако если Европейский Суд сочтет, что перенос процессуальных действий на стадию предварительного расследования соответствует Конвенции, он должен не допускающим ошибочного толкования образом указать, что должны соблюдаться соответствующие процессуальные гарантии. В противном случае серьезно подрывается право допрашивать свидетеля в ходе судебного разбирательства. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» ((*Salduz v. Turkey*), жалоба № 36391/02, § 54, *ECHR* 2008) Европейский Суд подчеркнул «важность стадии предварительного расследования в уголовном разбирательстве, поскольку доказательства, собранные на этой стадии, определяют границы обвинения, рассматриваемого судом...».

14. Принимая во внимание вышеизложенное, мы видим определенные трудности в настоящем деле. Законодательство Германии устанавливает две гарантии для подобной ситуации. В соответствии с пунктом 2 статьи 168с УПК Германии обвиняемый (и его защитник) имеет право присутствовать на допросе свидетеля судьей на стадии предварительного расследования. В исключительных случаях обвиняемый может быть не допущен к участию, если его присутствие поставит под угрозу исход или цели допроса, в частности, если с разумной точки зрения можно опасаться, что свидетель не скажет правду в присутствии обвиняемого (пункт 2 статьи 168с УПК Германии). Мы сомневаемся, что недопущение заявителя к участию в допросе в настоящем деле соответствовало требованиям пункта 2 статьи 168с УПК Германии. Обвиняемый и свидетельницы уже были знакомы. В этом отношении настоящее дело следовало отличать от дела «Песукич против Швейцарии» (Постановление Европейского Суда по делу «Песукич против Швейцарии» (*Pesukic v. Switzerland*) от 6 декабря 2012 г., жалоба № 25088/07), в котором на кону стояло раскрытие личности свидетеля. Однако если не допускается к участию обвиняемый, его защитник имеет право присутствовать при допросе.

15. Вторую гарантию следовало рассматривать в свете первой. В соответствии с пунктом 3 статьи 141 УПК прокуратура может назначить защитника для представления интересов обвиняемого Германии в период проведения расследования. Независимо от неопределенности относительно правильного толкования данного положения (см. §§ 58 *et seq.* и § 154 настоящего Постановления) внутригосударственные суды не указали мотивы, по которым стандарт, установленный статьей 141с УПК Германии, не был применен к заявителю в настоящем деле.

16. С учетом особенностей настоящего дела неприменение обеих гарантий, предусмотренных внутригосударственным законодательством, должно рассматриваться как серьезный недостаток при проведении предварительного расследования. Если эти гарантии не применяются неукоснительно на ранних этапах предварительного расследования, права, гарантированные подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции на стадии судебного разбирательства, могут утратить актуальность.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

17. Если Большая Палата Европейского Суда позволяет проведение общей оценки справедливости разбирательства при отсутствии веских оснований для неявки свидетеля, объем права допрашивать свидетелей существенно уменьшается. Мы согласны с тем, что при применении трехступенчатого теста необходима определенная гибкость. Тем не менее подход, безусловно ведущий в рассмотрению на завершающем этапе справедливости разбирательства в целом, наделяет государственные органы слишком широкой свободой усмотрения. Подобное применение трехступенчатого теста подразумевает, что в той мере, в которой соблюдено условие о справедливости разбирательства в целом, нет необходимости в рассмотрении различных ступеней.

18. Излишне осторожный подход Европейского Суда также замечен в § 118 настоящего Постановления. Хотя вопрос о порядке прохождения трех ступеней теста в принципе стоит на повестке дня, большинство судей отметили, что «...в отдельном случае может быть уместным рассмотреть вопросы каждой из ступеней в ином порядке». Мы не убеждены в том, что Европейский Суд ясно сформулировал наставления для государственных органов по поводу надлежащего применения теста Аль-Хавайя и Тахири.

19. Мы разумно опасаемся, что разъяснение, которое дал Европейский Суд в настоящем деле (которое в будущем получит известность под названием «тест Шачашвили»), может быть кратко изложено одним-единственным вопросом: было ли разбирательство справедливым в целом? Этот всеобъемлющий тест, по нашему мнению, не является шагом в направлении укрепления прав, гарантированных подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

СОВМЕСТНОЕ НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПАИВИ ХИРВЕЛЯ, ДРАГОЛЮБА ПОПОВИЧА, КРИСТИНЫ ПАРДАЛОС, АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР, ПОЛА МАХОНИ, ЭГИДИЮСА КУРИСА

1. К сожалению, мы не можем согласиться с мнением большинства судей о том, что права заявителе-

м, гарантированные пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, были нарушены в настоящем деле.

А. ОТНОСИТЕЛЬНО ПОВТОРЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРИНЦИПОВ

2. Мы сразу хотели бы отметить, что наше расхождение во мнениях с большинством судей Большой Палаты Европейского Суда не связано с повторением соответствующих принципов, относительно которых мы всецело согласны с большинством.

3. По нашему мнению, Постановление Большой Палаты по настоящему делу подтверждает принципы, выработанные Европейским Судом в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, ECHR 2011). Европейский Суд разъяснил взаимоотношения между тремя ступенями теста дела Аль-Хавайя, используемого для проверки соответствия пункту 1 и подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции производства, в рамках которого показания свидетеля обвинения, не явившегося на судебное заседание и не допрошенного в суде, были использованы в качестве доказательства.

4. Необходимость в разъяснении, которая стала очевидной в ходе последовавшего вслед за вынесением Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» формирования прецедентной практики по делам, фактические обстоятельства которых отличались от обстоятельств, рассмотренных в деле «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», сводилась к трем моментам.

5. Во-первых, Большая Палата Европейского Суда разъяснила, что отсутствие веских оснований для неявки свидетеля обвинения само по себе не ведет к несправедливости судебного разбирательства. Однако данный фактор имеет очень большое значение, которое необходимо учитывать при оценке общей справедливости судебного разбирательства. Мы согласны со сформулированным в настоящем деле выводом Большой Палаты о том, что причиной вынесения Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», в котором он отступил от так называемого единственного или решающего правила, было стремление отойти от правила, применяющегося автоматически, и вернуться к традиционному рассмотрению справедливости разбирательства в целом (см. § 112 настоящего Постановления). Однако можно было бы говорить о создании нового автоматически применяемого правила, если бы пришлось признать разбирательство несправедливым только лишь потому, что неявка свидетеля не имела под

собой веских оснований, даже если непроверенные показания не были ни единственным, ни решающим доказательством или, даже больше, не имели значения для исхода дела (см. § 112 настоящего Постановления). В соответствии с данным выводом в подавляющем большинстве дел, рассмотренных после вынесения Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», одного лишь отсутствия веских оснований для неявки свидетеля обвинения было недостаточно для автоматического вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции (примеры прецедентов см. в § 113 настоящего Постановления).

6. Во-вторых, мы согласны с большинством судей в том, что, учитывая стремление Европейского Суда установить, было ли справедливым разбирательство в целом, Европейский Суд должен проверить, имелись ли достаточные уравнивающие факторы также в делах, в которых непроверенные свидетельские показания не были ни единственным, ни решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора, но имели значительный вес (см. § 116 настоящего Постановления).

7. В-третьих, мы считаем, что вопрос о порядке прохождения трех ступеней теста в соответствии с упоминавшимся выше Постановлением Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» в принципе стоит на повестке дня, несмотря на то даже, что при определенных обстоятельствах может быть уместным отклониться от этого порядка (см. § 118 настоящего Постановления).

8. Наконец, мы согласны с кратким изложением принципов, относящихся к каждой из трех ступеней теста дела Аль-Хавайя, в настоящем Постановлении (см. §§ 119–131 настоящего Постановления). Эти принципы содержат, в частности, руководящие указания по вопросу о порядке оценки недостижимости свидетеля и характере усилий, которые должны предпринять внутригосударственные органы для обеспечения контакта со свидетелем, о порядке определения того, являлось ли доказательство единственным и решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора, и о типах материально-правовых и процессуальных уравнивающих факторов, которые позволяют компенсировать трудности, с которыми столкнулась сторона защиты в результате признания непроверенных свидетельских показаний допустимым доказательством на стадии судебного разбирательства.

В. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИМЕНЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРИНЦИПОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

9. В то же время наше мнение расходится с мнением большинства в вопросе применения соответ-

ствующих принципов в настоящем деле. Мы согласны с решением большинства судей о том, что существовали веские основания для неявки свидетельниц О. и Р. на судебное заседание и, как следствие, для принятия в качестве доказательств показаний, которые они дали полиции и следственному судье в ходе предварительного расследования, а также с мотивировкой этого решения. Мы также можем согласиться с выводом большинства судей о том, что показания неявившихся свидетельниц О. и Р. являлись решающим, хотя и не единственным основанием для вынесения обвинительного приговора заявителю по настоящему делу, поскольку О. и Р. были единственными очевидцами преступления.

10. Ввиду этого вывода мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о том, существовали ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие сложности, с которыми столкнулась сторона защиты. В отличие от большинства судей мы полагаем, что в настоящем деле уравнивающие факторы были достаточными.

11. В части, касающейся оценки различных уравнивающих факторов, мы согласны с мнением большинства о том, что суд земли внимательным образом проанализировал надежность неявившихся свидетельниц и правдивость их показаний, и мы находим, что анализ был весьма тщательным.

12. Но вопреки мнению большинства, мы считаем, что суд земли имел в своем распоряжении иные очень веские и непротиворечивые доказательства виновности заявителя в инкриминированных ему преступлениях: разбое, сопряженном с вымогательством. Среди этих доказательств был не только полный отчет о событиях, представленный двумя дополнительными свидетельницами (соседки свидетельниц Е. и их подруги L.), пусть и в форме показаний с чужих слов. Также вина заявителя подтверждалась очень вескими, прямыми и надежными техническими доказательствами, в том числе данными геолокации и записями двух телефонных разговоров, которые доказывали, что заявитель присутствовал в квартире свидетельниц в момент совершения преступления и спрыгнул с балкона, чтобы догнать одного из сбежавших жильцов. Наконец, доказательства, относящиеся к преступлению, совершенному в г. Касселе 14 октября 2006 г. заявителем и еще одним лицом, в отношении которого все свидетели дали показания на стадии судебного разбирательства, указывали на поразительную схожесть данного преступления с преступлением, совершенным в г. Гёттингене, в части выбора жертв, места и способа совершения преступления. Кроме того, мы обязаны отметить, что заявитель сам признался в ходе судебного разбирательства, что он находился в квартире свидетельниц в рассматриваемое время и преследовал Р., когда та спрыгнула с балкона, сославшись на то, что он сделал это, опасаясь неприятностей, а также

из-за проблем, которые ранее он имел с проститутками в аналогичной ситуации в г. Касселе (см. § 44 настоящего Постановления).

13. Что касается процессуальных мер, направленных на компенсацию отсутствия возможности прямо задать свидетельницам вопросы в ходе перекрестного допроса на стадии судебного разбирательства, мы хотели бы заметить, что внутригосударственные суды не признали факт неназначения защитника заявителю на момент допроса свидетельниц следственным судьей, противоречащим пункту 3 статьи 141 УПК Германии во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 140, толкование которых было дано Федеральным верховным судом Германии (см. §§ 28, 29, 57, 59 и 62 настоящего Постановления). В этом контексте мы принимаем во внимание объяснение властей Германии (см. § 94 настоящего Постановления) о том, что в соответствии с пунктом 5 статьи 168с УПК Германии суд, рассматривавший дело, мог не уведомлять адвоката, назначенного заявителю, о допросе, если он полагал, что подобное уведомление могло помешать расследованию.

14. Мы согласны с большинством судей в том, что порядок проведения допроса свидетелей обвинения на стадии предварительного расследования имеет большое значение для справедливости судебного разбирательства и может повредить ей, когда ключевые свидетели не могут быть допрошены судом, рассматривающим дело, и доказательства, собранные на стадии предварительного расследования, передаются непосредственно в суд. Но мы не согласны с большинством в части, касающейся вывода о том, что органы обвинения, проведя допрос свидетельниц на стадии предварительного расследования в отсутствие заявителя и его защитника, действовали исходя из предположения, что свидетельницы не могли быть допрошены на стадии судебного разбирательства.

15. Мы разделяем мнение заявителя о том, что свидетельницы О. и Р. были допрошены следственным судьей потому, что ввиду их планировавшегося возвращения в Латвию органы обвинения полагали, что существовала опасность утраты их показаний в качестве доказательства. Это подтверждает мотивировочная часть ходатайства прокуратуры следственному судье о безотлагательном допросе О. и Р. Однако тот факт, что можно было предсказать, что свидетельницы покинут Германию вскоре после допроса у следственного судьи, нельзя, на наш взгляд, признать равноценным выводом о невозможности допросить их лично в ходе последующего судебного разбирательства, по крайней мере, с использованием видеосвязи. Свидетельницы собирались уехать в государство (Латвию), которое было связано международными договорами об оказании властям Германии взаимной помощи по уголовным делам, в том числе путем обеспечения получения свидетельских показаний с использованием видеосвязи. Наша позиция

подтверждается также замечанием самого заявителя, по словам которого, он предполагал, что у него будет возможность задать свидетельницам вопросы в ходе перекрестного допроса в суде, вследствие чего у него не было причин просить о повторении следственным судом допроса свидетельниц (см. § 82 настоящего Постановления).

16. В качестве заключения мы хотели бы согласиться с большинством судей в том, что предоставление обвиняемому возможности допросить ключевых свидетелей обвинения, по крайней мере, на стадии предварительного расследования и через защитника, представляет собой важную процессуальную гарантию, отсутствие которой является важным аргументом при оценке общей справедливости разбирательства в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Несмотря на это, принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, имелись другие существенные гарантии, позволяющие суду, рассматривающему делу, надлежащим образом оценить надежность доказательств, представленных на его рассмотрение. В частности, существовали очень веские и непротиворечивые доказательства виновности заявителя в совершении инкриминированного ему преступления. Кроме того, суд, рассматривающий дело, особо тщательно и внимательно проанализировал надежность неявившихся свидетельниц и правдивость их показаний. При данных обстоятельствах отсутствие у заявителя на какой-либо стадии разбирательства возможности допросить лично или посредством других лиц свидетелей О. и Р., на наш взгляд, не делало несправедливым разбирательство в целом.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЙОНА ФРИДРИКА КЬЁЛБРО

1. У меня есть определенные сомнения относительно разъяснения прецедентной практики Европейского Суда, данного Большой Палатой, и трех критериев, выработанных в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, ECHR 2011). Кроме того, я не согласен с мнением Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу, поэтому голосовал против установления нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Ниже я вкратце объясню свою точку зрения по обоим указанным вопросам.

РАЗЪЯСНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КРИТЕРИЕВ ДЕЛА АЛЬ-ХАВАЙЯ

2. Последовательность прецедентной практики Европейского Суда очень важна для поддержания авторитета и легитимности Европейского

Суда, а также для соблюдения Конвенции и применения прецедентной практики Европейского Суда внутригосударственными органами. Европейский Суд не должен отклоняться необоснованно от прецедентов, установленных по предыдущим делам (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*), жалоба № 17056/06, § 81, *ECHR* 2009). Данное правило применяется, среди прочего, к недавним постановлениям Большой Палаты Европейского Суда. Кроме того, Европейский Суд не должен разъяснять и развивать свою прецедентную практику при отсутствии веских оснований для этого.

3. В 2011 году Большая Палата Европейского Суда разъяснила и развила просуществовавшую долгое время прецедентную практику по вопросу использования в качестве доказательства письменных показаний отсутствующих свидетелей. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» Большая Палата Европейского Суда установила три критерия, подлежащие применению, а также порядок прохождения трехступенчатого теста. Во-первых, должно существовать «веское основание» для неявки свидетеля. Во-вторых, следует оценить, являются ли показания неявившегося свидетеля «единственным или решающим» доказательством. В-третьих, если письменные показания являются единственным или решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора, должны существовать достаточные «уравновешивающие факторы». По-моему, Европейский Суд мог с легкостью рассмотреть настоящее дело на основании критериев, выработанных в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», тем самым подтвердив авторитетность этого недавнего Постановления Большой Палаты Европейского Суда.

4. Разъяснения Большой Палаты по настоящему делу, на мой взгляд, не должны трактоваться как отступление от трехступенчатого теста, выработанного в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», который поэтому следует по-прежнему применять по аналогичным делам в будущем.

5. Во-первых, если отсутствуют веские причины для неявки свидетеля на судебное заседание, внутригосударственный суд по общему правилу не должен разрешать обвинителю ссылаться на письменные показания неявившегося свидетеля как на доказательство виновности обвиняемого (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», §§ 120–125).

6. Если показания неявившегося свидетеля, по мнению обвинителя, имеют такие важность и значение для дела, что они должны быть использованы в качестве доказательства, этот свидетель должен быть вызван в суд и дать показания, за исключением случаев, когда имеются веские основания для неявки. Если веских оснований для неявки свидетеля не существует, внутригосударственный суд не должен разрешать обвинителю ссылаться на соответствующие письменные показания как на доказательство виновности обвиняемого.

7. Если свидетель не будет вызван в суд без веских оснований, будут нарушены права стороны защиты на перекрестный допрос свидетелей обвинения. Соответственно, я согласен с тем, что отсутствие веских оснований для неявки свидетеля не влечет автоматического и неминуемого вывода о несправедливости судебного разбирательства (см. § 113 настоящего Постановления). Однако данное разъяснение прецедентной практики Европейского Суда нельзя трактовать как предполагающее общее отступление от общего правила. В соответствии с этим правилом, если показания неявившегося свидетеля имеют такие важность и значение, что внутригосударственный суд признает их допустимым доказательством виновности обвиняемого, должны существовать веские основания для невызова свидетеля для дачи показаний в судебном заседании.

8. Во-вторых, критерий «единственного и решающего доказательства» с небольшими отличиями в терминологии последовательно применялся с момента вынесения Постановления Европейского Суда по делу «Унтерпертингер против Австрии» (*Unterperthinger v. Austria*) от 24 ноября 1986 г., § 33, Series A, № 110). До вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» Европейский Суд устанавливал нарушение статьи 6 Конвенции в случае, если письменные показания отсутствующего свидетеля являлись «единственным или решающим» основанием вынесения подсудимому обвинительного приговора.

9. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (см. § 131) Европейский Суд также применил критерий «единственного и решающего доказательства», дав при этом определение тому, что понимается под «единственным», а что – под «решающим» доказательством. В то же время Европейский Суд развил свою прецедентную практику, отметив, что, «если показания с чужих слов являются единственным или решающим доказательством вины обвиняемого, их принятие в качестве доказательства не влечет за собой автоматически нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции (*ibid.*, § 147).

10. Однако как до, так и после вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» требовалось ответить на вопрос, являлись ли письменные показания отсутствующего свидетеля «единственным или решающим» доказательством.

11. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда отметила, что «Европейский Суд должен рассматривать вопрос о наличии достаточных уравновешивающих факторов не только в случаях, когда показания неявившегося свидетеля являются единственным или решающим доказательством», но и в случаях, когда «Европейский Суд признает неясным, является ли соответствующее доказательство единственным или решающим основанием, но всё же придерживается мнения, что данное доказательство имеет значительный вес» (см. § 116 настоящего Постановления).

12. Я считаю необходимым подчеркнуть, что выражение «значительный вес» нельзя трактовать как отступление от критерия «единственного или решающего доказательства», что порождает три категории: «единственное доказательство», «решающее доказательство» и «доказательство, имеющее значительный вес». Данное разъяснение не предполагает отступления от критерия «единственного или решающего доказательства», а учитывает тот факт, что иногда, исходя из содержания показаний и мотивировки внутригосударственных судов, может оказаться очевидным, что показания имеют «значительный вес», но при этом затруднительно определить, являются ли они «решающими» для вынесения обвинительного приговора. В подобной ситуации внутригосударственный суд, так же как и Европейский Суд, должен рассматривать письменные показания как «решающее доказательство».

13. Таким образом, данное Большой Палатой Европейского Суда разъяснение, по-моему, не предполагает отступления от критерия «единственного или решающего доказательства».

14. В-третьих, из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» ясно следовал порядок прохождения трехступенчатого теста. Сначала должно быть установлено, существовало ли «веское основание» для неявки свидетеля. К следующим двум критериям уместно переходить только в случае, если на первый вопрос получен утвердительный ответ (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 120). Во-вторых, следует оценить, являются ли письменные показания неявившегося свидетеля «единственным или решающим доказательством». К третьему критерию уместно

переходить только после утвердительного ответа на второй вопрос (*ibid.*, § 147). В-третьих, если письменные показания являются единственным или решающим основанием для вынесения подсудимому обвинительного приговора, должны иметься «достаточные уравновешивающие факторы» (*ibid.*, § 147).

15. Для такого порядка прохождения теста имеются очень веские основания. Вопрос об использовании письменных показаний отсутствующих свидетелей может быть поднят на нескольких стадиях производства по делу. Впервые данный вопрос возникает, когда суд, рассматривающий дело, оценивает ходатайство обвинителя об использовании письменных показаний неявившегося свидетеля в качестве доказательства виновности подсудимого или возражения стороны защиты против удовлетворения такого ходатайства. Данная оценка осуществляется в ходе судебного заседания. Далее этот вопрос может возникнуть при оценке судом, рассматривающим дело, достаточности оснований для вынесения подсудимому обвинительного приговора. Эта оценка осуществляется в конце судебного заседания. Наконец, подобный вопрос возникает при оценке справедливости производства по уголовному делу внутригосударственным судом или – несколько позднее – Европейским Судом. В момент, когда суд, рассматривающий дело, принимает решение по вопросу о том, следует ли разрешить обвинителю использование письменных показаний отсутствующего свидетеля в качестве доказательства, зачастую сложно, если не сказать невозможно, оценить, будет ли доказательство единственным или решающим основанием для вынесения обвинительного приговора. Поэтому на практике три ступени теста в большинстве случаев требуется проходить в порядке, установленном в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», и чаще всего в разные моменты времени. Кроме того, принципы, согласно которым все доказательства против обвиняемого, как правило, должны быть представлены в присутствии обвиняемого в ходе открытого слушания для обеспечения состязательности и обвиняемому должна быть предоставлена возможность в надлежащем и достаточном объеме задать вопросы свидетелю, показывающему против него, столь важны, что не следует отступать от них без веских оснований. Отступление от них без веских оснований в большинстве, если не во всех случаях, делает разбирательство несправедливым.

16. Поэтому я хотел бы подчеркнуть важность не только трехступенчатого теста, предусмотренного упоминавшимся выше Постановлением Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного

Королевства», но и порядка прохождения трех ступеней. При этом я не стал бы исключать возможность возникновения ситуаций, когда эти три ступени могут быть пройдены в ином порядке. Например, в некоторых случаях суду, рассматривающему дело, может быть изначально очевидно, что письменные показания станут единственным или решающим доказательством и что принятие и использование данного доказательства сделает несправедливым соответствующее разбирательство. Аналогичным образом могут возникнуть ситуации, когда Европейский Суд по практическим соображениям признает уместным оценить три критерия в порядке, отличающемся от установленного. Тем не менее три ступени по общему правилу должны быть пройдены в порядке, установленном в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства».

МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ

17. Я согласен с большинством судей в том, что имелось «веское основание» для неявки двух свидетельниц обвинения О. и Р. (см. §§ 132–140 настоящего Постановления).

18. Также я присоединяюсь к мнению большинства судей о том, что письменные показания неявившихся свидетельниц О. и Р. имели «решающее» значение для вынесения заявителю обвинительного приговора по смыслу прецедентной практики Европейского Суда (см. §§ 141–145 настоящего Постановления).

19. Но я не согласен с большинством в том, что касается справедливости судебного разбирательства. По-моему, как я пояснил ниже, имелись «уравновешивающие факторы», делавшие судебное разбирательство по делу заявителя справедливым.

20. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (§ 147) Европейский Суд признал: «В каждом деле вопрос состоит в том, существовали ли достаточные уравновешивающие факторы, в том числе меры, позволяющие справедливо и надлежащим образом оценить надежность доказательства. Это привело бы к тому, что обвинительный приговор основывался бы на таком доказательстве только в случае, если оно является достаточно надежным с учетом важности дела». Следовательно, целью «уравновешивающих факторов» является обеспечение того, чтобы «надежность доказательства была справедливо и надлежащим образом оценена», и это доказательство являлось «достаточно надежным».

21. Как правильно отмечено большинством судей, суд, рассматривавший настоящее дело,

с осторожностью подошел к оценке доказательств (см. §§ 146–150 настоящего Постановления). Однако, по-моему, большинство судей придали слишком малое значение наличию и весомости других доказательств виновности (см. § 151 Постановления с ссылками на §§ 143–144 Постановления).

22. На мой взгляд, при рассмотрении суда земли имелись очень веские непротиворечивые дополнительные доказательства виновности заявителя в совершении инкриминированного ему преступления. На основании дополнительных доказательств суд, рассматривавший дело, мог выполнить оценку надежности показаний неявившихся свидетельниц О. и Р. По мнению суда земли, «совокупность доказательств обрисовывала последовательную и полную картину событий, соответствующую версии, изложенной О. и Р., и опровергающую версию событий, представленные заявителем и другими подсудимыми в ходе судебного разбирательства» (см. § 46 настоящего Постановления).

23. Кроме того, как правильно подчеркивало большинство судей, у заявителя имелась возможность рассказать собственную версию событий, а также задать в ходе перекрестного допроса вопросы другим свидетелям, явившимся в суд (см. § 152 настоящего Постановления). Кроме того, у заявителя имелась возможность оспорить допустимость и относимость письменных показаний.

24. По сути ключевым аргументом для установления нарушения статьи 6 Конвенции в настоящем деле является тот факт, что внутригосударственные органы не использовали возможность назначения защитника до того, как были допрошены две свидетельницы, тем самым лишив заявителя возможности задать свидетельницам вопросы в ходе предварительного расследования опосредованно через адвоката, назначенного для представления его интересов (см. §§ 153–160 настоящего Постановления).

25. Я не согласен с мнением большинства судей относительно значения стадии предварительного расследования для общей справедливости разбирательства по настоящему делу.

26. Во-первых, если бы защитник для представления интересов заявителя был назначен ему на раннем этапе расследования, когда свидетельниц О. и Р. допрашивал следственный судья, и если бы заявителя и его защитника уведомили о допросе свидетельниц, заявителю и его защитнику была предоставлена возможность допросить свидетельниц, когда те давали показания, то даже речи не шло бы о жалобе на нарушение Конвенции. Прецедентная практика Европейского Суда об использовании письменных показаний неявившихся свидетелей касается «показаний, которые были даны лицом, которого у обвиняемого не было возможности допросить лично или опосредованно на стадии предварительного расследования или

на стадии судебного разбирательства» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства», § 119). Другими словами, если бы заявителю была предоставлена возможность допросить О. и Р. и задать им вопросы в ходе перекрестного допроса, когда их допрашивал следственный судья, последующее использование их показаний не подняло бы вопрос о справедливости производства по делу (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Садак и другие против Турции (№ 1)» (*Sadak and Others v. Turkey*) (№ 1), жалобы №№ 29900/96, 29901/96, 29902/96 и 29903/96, § 65, *ECHR* 2001-VIII, Решение Европейского Суда по делу «Соммер против Италии» (*Sommer v. Italy*) от 23 марта 2010 г., жалоба № 36586/08, Постановление Европейского Суда по делу «Хмура против Польши» (*Chmura v. Poland*) от 3 апреля 2012 г., жалоба № 18475/05, §§ 49–59, Постановление Европейского Суда по делу «Айгнер против Австрии» (*Aigner v. Austria*) от 10 мая 2012 г., жалоба № 28328/03, § 41).

27. Во-вторых, большинство судей, судя по всему, уделили мало внимания указанным следственным судьей причинам, по которым он не уведомил заявителя о допросе свидетельниц О. и Р. Заявитель не был проинформирован о расследовании, «поскольку это могло воспрепятствовать производству расследования» (см. § 21 настоящего Постановления). Кроме того, следственный судья не допустил заявителя к участию в допросе свидетельниц на основании внутригосударственного законодательства, поскольку «он опасался, что свидетельницы, которые находились в состоянии шока и страха в связи с совершенным преступлением, испугаются и не расскажут правду в присутствии заявителя» (см. § 21 настоящего Постановления). По-моему, Европейский Суд в своей прецедентной практике должен уделять равное внимание правам и интересам потерпевших от преступления, защищая их. С учетом конкретных обстоятельств настоящего дела имелись веские основания для защиты потерпевших. Кроме того, внутригосударственные органы не признали противоречащим пункту 3 статьи 141 УПК Германии во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 140 с учетом толкования, данного Федеральным верховным судом Германии (см. §§ 28, 29, 57–59 и 62 настоящего Постановления), тот факт, что заявителю не был назначен защитник для представления его интересов в ходе допроса свидетельниц следственным судьей. В этом контексте я обращаю внимание на объяснение властей Германии (см. § 94 настоящего Постановления) о том, что в соответствии с пунктом 5 статьи 168с УПК Германии суд, рассматривавший дело, мог не уведомлять адвоката, назначенного заявителю, о допросе, если он считал, что такое уведомление могло помешать расследованию.

28. В-третьих, тот факт, что «свидетельниц, вероятно, будет невозможно допросить впоследствии на стадии судебного разбирательства по делу, возбужденному в отношении заявителя в Германии» (см. § 159 настоящего Постановления), по-моему, не может привести к выводу о несправедливом характере последующего судебного разбирательства вследствие того, что заявителю не был назначен защитник, и что заявителю не была предоставлена возможность допросить свидетельниц О. и Р. на стадии предварительного расследования с помощью защитника, назначенного для представления интересов заявителя (см. § 160 настоящего Постановления). Разумеется, существовал риск того, что свидетельницы не явятся на судебное заседание, и подобный риск будет присутствовать во всех случаях, когда доказательства собираются на стадии предварительного расследования. Однако учитывая конкретные обстоятельства настоящего дела, недостаточно оснований для утверждения о том, что отказ свидетельниц от явки на судебное заседание и дачи ими показаний можно было предвидеть. Тот факт, что можно было ожидать выезда заявителем из Германии вскоре после допроса, проведенного следственным судьей, нельзя приравнять к выводу, что в ходе последующего судебного разбирательства было бы невозможно допросить их ни лично, ни с использованием видеосвязи. В этой связи я также хотел бы сослаться на мнение самого заявителя, который полагал, что у него будет возможность задать свидетельницам свои вопросы в ходе перекрестного допроса в суде, вследствие чего он не ходатайствовал о повторном допросе свидетельниц следственным судьей (см. § 82 настоящего Постановления).

29. По моему мнению, большинство судей переоценили стадию предварительного расследования и решение не назначать защитника и не уведомлять защитника и заявителя о допросе свидетельниц.

30. Кроме того, большинство судей не придали достаточного значения цели «уравновешивающих факторов», которая состоит в обеспечении того, чтобы «надежность доказательства была справедливо и надлежащим образом оценена», и это доказательство являлось «достаточно надежным». В подробном и хорошо мотивированном постановлении внутригосударственные суды объяснили, почему показания неявившихся свидетельниц О. и Р. в свете совокупности имевшихся доказательств были признаны достоверными. Как указано выше, на основании дополнительных доказательств суд, рассматривавший дело, мог выполнить оценку надежности показания неявившихся свидетельниц О. и Р. По мнению суда, рассматривавшего дело, «совокупность доказательств обрисовывала последовательную и полную картину событий, соответствующую версии, изложенной О. и Р., и опровергающую версию событий, представленные заяви-

телем и другими подсудимыми в ходе судебного разбирательства».

31. Таким образом, на мой взгляд, использование письменных показаний неявившихся свидетелиц О. и Р. и отсутствие у заявителя возможности допросить лично или посредством других лиц свидетелиц О. и Р. на какой-либо стадии производства по делу не делали несправедливым судебное разбирательство в целом.

32. По-моему, настоящее Постановление является очередным примером того, как Европейский Суд фокусируется на важности стадии предварительного расследования для подготовки производства по уголовному делу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», жалоба № 36391/02, § 54, *ECHR* 2008), что означает, что несоблюдение определенных процессуальных гарантий на стадии предварительного расследования более или менее автоматически ведет

к тому, что собранные доказательства не могут быть использованы против обвиняемого.

33. Это достойно особого сожаления в ситуации, когда основанием ограничения некоторых процессуальных гарантий является необходимость защищать потерпевших от преступлений и когда имеются подтверждающие доказательства, позволяющие суду оценить надежность показаний, данных неявившимися свидетелями.

34. Настоящее Постановление является примером весьма формального подхода к значению процессуальных гарантий, при котором несоблюдение или необеспечение определенных процессуальных гарантий на стадии предварительного расследования придает собранным доказательствам незаконный характер несмотря на то, что использование этих доказательств, исходя из общей оценки, не влечет за собой несправедливость разбирательства в целом.